

ЛитРес:

Лана Мейер

ОМЕРТА

18+

ЦВЕТОК БЕССМЕРТИЯ

Когда город спит, просыпается мафия

Лана Мейер

Омерта. Книга 2

«Лана Мейер»

2021

Мейер Л.

Омерта. Книга 2 / Л. Мейер — «Лана Мейер», 2021 — (Когда город спит, просыпается мафия)

Продолжение враждующих семей итало-американской мафии – Ди Карло и Морте, где главные герои кланов, Киан и Мия пройдут по лезвию страсти, боли, ревности, загадок и семейных интриг... «– С этой секунды ты – моя. Или ты будешь принадлежать мне по закону. Или ты будешь принадлежать земле, – её глаза становятся ещё больше и круглее. Напуганная малышка всем телом вжимается в сиденье авто, в ответ я крепче сжимаю её запястья и ладони. До боли, до полного отражения во взоре её готовности быть ведомой мной...»

Содержание

Пролог	5
Часть один	9
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	35
Глава 5	38
Глава 6	42
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лана Мейер

Омерта. Книга 2

*Правила – пустой звук, если нет наказания.
(«Остаться в живых»)*

Пролог

Амелия

Господи, не могу поверить в то, что решилась на этот сумасбродный и смертельно опасный поступок. Я сижу на заднем сидении черного Range Rover и молюсь о том, чтобы мою пропажу не обнаружили слишком рано. Я должна...нет, я просто обязана сбежать достаточно далеко!

Вся моя жизнь превратилась в игру со смертью, и я, черт возьми, отчаянно мечтаю о Тихой Гавани, хотя бы о часе полнейшего спокойствия и ощущении себя в безопасности.

Совсем недавно я думала, что заточение в семье Морте, мое похищение – это ад, но я так ошиблась.

Последняя неделя, проведенная в «семье», которую я считала родной, под надзором дяди – вот где настоящее пекло. Черт возьми, как я могла быть такой слепой?

Моя жизнь все эти годы была долбаным «ларцом Пандоры» (**предмет из древнегреческого мифа о Пандоре, заключавший в себе бедствия, несчастья и надежду*).

И сделав первые шаги на маскараде, когда вышла на сцену с Майклом, я открыла этот черный ящик, откуда скопом повалились истинные факты о моей жизни, о моих родителях, о моей кровной причастности к преступному и теневому миру.

Теперь я частично знаю правду, которую забыла или не хотела вспоминать. Не так-то просто возвращаться в день аварии и собирать все, что случилось после по крупицам. Это тяжело, но я должна это сделать, чтобы обрести долгожданную свободу и возможно, даже вернуть близких мне людей...

Звучит невероятно, и я до сих пор не верю в то, что узнала. Но надежда в душе слишком сильна и сладка, чтобы проигнорировать её.

Теперь я знаю, что мотивы моего удочерения Домеником Ди Карло были совсем не чисто-сердечными и альтруистичными. И теперь я вспомнила, что смерть родителей и авария, в которую мы действительно попали все вместе, нанесла мне страшную травму.

Это называется психогенная амнезия. Потеря памяти под влиянием психотравмирующих событий, когда какие-то факты могут стираться, воспоминания подменяются размытыми или иллюзорными, выдуманными. У моей потери связи между прошедшими и настоящими событиями, оказывается есть название. Впрочем, это довольно распространенное явление для нерасформированной психики, которой пришлось потерпеть серьезную травму.

В четырнадцать лет никто не готов стать сиротой. И возможно, я ей не стала.

В моих воспоминаниях всегда существовала лишь одна призрачная и размытая картинка: я просыпаюсь в крошечной палате с ломотой и болью во всех конечностях и каждой клеточке тела. Приходит несколько медсестер, спрашивают меня о самочувствии, и со скованными масками сожаления на лицах, сообщают о смерти мамы и папы. Пытаются расспросить у меня о наличии других родственников, но я утопаю в истерике, с которой справляется лишь львиная доза успокоительного.

Это были жуткие, туманные и темные дни после аварии. Они сказали, что я пролежала без сознания неделю и тела мамы и папы уже кремировали, и я не могу попрощаться с ними – лишь посетить могилы Мелодии и Джеймса Эванс.

Когда я впервые сидела на сырой траве, рядом с каменными плитами, на которых были выгравированы их имена, я не замечала окружающего мира из-за пелены слез, что плотным слоем закрыла меня от реальности.

Но на самом деле, я не чувствовала, что мои родители погибли.

Я не видела их мертвыми, в моей памяти они остались живыми и счастливыми. Казалось, что они просто куда-то уехали, исчезли, пропали без вести... улетели покорять открытый космос, например, *лет на триста*. Что угодно, только не погибли.

И мне предстоит узнать правду, что с ними случилось. И все тайны моего отца, за которыми объявлена «гонка на выживание» среди пяти семей, несравнимая по своей опасности даже с ареной «голодных игр».

А сейчас я бегу с собственной свадьбы. *Не о таком торжестве я мечтала всю жизнь*. Мой будущий муж, что в прессе именуется, как завидный холостяк, на самом деле является извращенцем с неприятными для меня наклонностями. Дэниел Кинг, мать его.

Я видела фото его жертв-любовниц, и уже этого мне было достаточно, чтобы понять, что я не готова к такому браку.

Даже Киан Морте на его фоне кажется подарком Бога, несмотря на то, что последний – жестокий убийца и за эту неделю я лично убедилась в этом. Об этом позже.

Слишком тяжело сейчас, слишком сдают нервы. Тело пробивает мелкая дрожь, корсет свадебного платья неприятно сдавливает грудь, непослушные пальцы то и дело скользят по кромке фаты в хаотичном танце.

Сердце разрывается в клочья, фантомы страха со страшной скоростью делятся в моей крови и заражают весь организм.

«Вы должны подумать о себе, Амелия Эванс. Я помогу сбежать вам. Это ваш шанс на нормальную жизнь», – успокаивающей мантрой в голосе звучит голос агента Троя Кларка. *Он связался со мной несколько дней назад, и благодаря телефону Киана, что он оставил мне в своей джинсовой куртке, я получила доступ к безопасному каналу связи, неконтролируемый Домеником.*

– Умоляю вас, можно ехать чуть-чуть быстрее, – стараясь сохранять вежливый тон, умоляю я, обращаясь к водителю, которого нанял для спасительной операции агент Кларк.

– Я не могу нарушать правила, мисс...

– Вот, держите. Они очень дорогие, – снимаю с себя серьги Van Cleef, что стоят около десяти тысяч долларов и протягиваю их водителю. Мужчина берет «чаевые» без лишних вопросов и начинает хотя бы пытаться лавировать между рядами. Мы продвигаемся вперед по Verrazano-Narrows Bridge, в соответствии с планом моего побега, но отстаем от графика на несколько минут.

Делаю глубокий вдох и выдох, крепче сжимая в ладони подаренную мамой музыкальную шкатулку. Когда-то у меня был ключ к ней. Он открывал её, и мамина колыбельная, озаряла все пространство вокруг, наполняя меня её теплом и любовью.

*В сердце океана-а-а,
На другой земле-е-е.
Где закаты – пламя-я-я,
И ответ в горе-е-е...*

*Там задашь вопросы-ы-ы,
И найдешь себя-я-я...*

*Краешек свободы-ы-ы,
Создан для тебя-я-я...*

Это все слова, которые я помню. Мама пела мне эту колыбельную, когда я была совсем крохой. Тогда я была слишком мала, чтобы удосужиться расспросить её о том, сама ли она сочинила эту песенку и о каком краешке свободы идет речь. Должно быть, это нечто абстрактное, неуловимое, прекрасное. Некая маленькая и волшебная страна, наверное, олицетворяющая детство.

С серьгами, подаренными Домеником, я рассталась очень легко, а вот подарки родителей для меня являются святыми реликвиями, которые я не продам, даже если жизнь заставит голодать. *А учитывая то, что я бегу в неизвестность, то не исключаю и самых худших вариантов.*

Руки начинают вибрировать так сильно, что я прячу шкатулку в небольшую сумку через плечо, чтобы не выронить её из качающейся из стороны в сторону машины. Сердце грохочет в груди, явно пытаясь проломить ребра. Мне хочется поскорее избавиться от свадебного платья с довольно тесным корсетом и длинным шлейфом, но в момент побега я не успела даже переодеться, как планировала.

В голове безликим калейдоскопом мелькают сотни лиц, которые я впервые видела на этом жутком торжестве.

Гости, которых я знать не знаю.

Жених, которого знать не хочу. Какой-то безжалостный цирк, а не жизнь нормальной девушки.

Я даже видела своего будущего жениха, Дэниела Кинга. Его репутация рассказывает о нём, за него слишком красноречиво, чтобы испытывать к нему что-либо, кроме неприязни.

На мгновение, я вспоминаю предложение Киана.

«— Тебе придется иметь со мной общие дела, Амелия Ди Карло. С этой секунды ты — моя. Или ты будешь принадлежать мне по закону. Или ты будешь принадлежать земле», — вкрадчивым низким баритоном пробирают до мурашек его слова.

Ты ошибся, Киан. Я намерена принадлежать самой себе.

После того, что я о нем узнала, я в очередной раз наложила табу на какие-либо чувства по отношению к этому страшному человеку. Он не многим лучше Дэниела Кинга и остальных мужчин, принадлежащих мафии.

Я вдруг начинаю чувствовать нечто странное и замечать, что водитель начинает слишком агрессивно и нервно вести авто, что должно доставить меня в безопасное место, откуда я покину страну через океан. Нутром овладевает нехорошее предчувствие, жуткая неизбежность закатывает моральное спокойствие в снежный ком. Кожа немеет, словно каждую пору на теле пронзила острая ледяная игла, парализующая скорость реакции и здравомыслие.

Я резко оборачиваюсь назад, и сердце пропускает удара три, не меньше.

Нервно сглатываю, замечая, что за нами гонится тонированная тачка, и в эту секунду я понимаю, что мой идеальный план с Троем Кларком вот-вот провалится.

— Нас преследуют, мисс, — озвучивает очевидную вещь водитель.

Я уже не сомневаюсь в том, что Доменик и Дэниел обнаружили мою пропажу. Глупо было рассчитывать на то, что мне удастся сбежать с собственной свадьбы. Неужели я, правда, в это поверила?

Слезы непрерывным водопадом катятся по щекам, пока я пытаюсь смириться с приговором, который мне будет вынесен, если они нас догонят.

А они догонят.

Хочется просто открыть дурацкую дверь авто и прыгнуть с моста – так будет хоть какой-то шанс на спасение от людей, которые хотят вернуть меня назад, наколоть на булавку и вновь дергать меня за ниточки.

Достаю телефон и дрожащими пальцами с трудом набираю сообщение Трою Кларку:

«Если я не приеду к назначенному времени, значит меня больше нет. Спасибо, что пытались помочь мне, мистер Кларк. Я не знаю вас лично, не знаю, почему доверилась вам. Наверное, потому что решила, что вы появились в моей жизни не просто так... Если вы когда-нибудь найдете моих маму и папу, передайте им, что я их очень любила...».

Сообщение отправлено.

Часть один

Глава 1

Амелия

Неделю назад

Я чувствую себя безвольным зверьком на коротком поводке, которого постоянно тянут из стороны в сторону. И с маниакальным наслаждением наблюдают за тем, как подопытная мышка беспомощно перебирает лапками, не в силах избавиться от тугого ошейника, наброшенного жестокими наблюдателями эксперимента.

Я устала быть этим беззащитным созданием, устала!

И с этой секунды, я официально заявляю, что сделаю все, чтобы стать сильной, независимой и свободной.

Я начинаю путь к лучшей версии себя, ступаю на тропу своего истинного пути, и больше мне чужие слова – не указ.

Настало твоё время, Мия. Как долго ты ещё будешь позволять всем манипулировать тобой?

Ощущение постоянного морального давления заводит меня в тупик. Как жаль, что зачастую нужно довести себя до точки невозврата, до крайности, упасть на дно, пробить его... чтобы осознать, что больше терпеть это все нельзя, и стоит по-другому начать реагировать на повторяющиеся ситуации в жизни.

Мне будет очень непросто выйти из позиции жертвы обстоятельств, но я это сделаю.

Шесть долгих лет я была заложницей фобий, страхов, овладевших мной, после смерти родителей. Я будто потеряла свой голос, свою уверенность, свою опору в жизни, и причалила к берегу, который меня временно принял, но никогда не был моим.

Я не смела перечить правилам дяди, не проявляла настоящий характер и не давала себе вольного слова в его присутствии, прекрасно понимая, что на все у него будет один ответ: *«Нет, Амелия, мы ничего менять не будем, и в нормальный колледж ты не пойдешь, потому что, моя дорогая, это может быть слишком опасно для тебя. А больше всего на свете, я боюсь потерять тебя, моя девочка. Ты же мне как родная дочь».*

Примерно так обычно отвечал Доменик Ди Карло в те моменты, когда я в голос, заявляла о том, что хотела бы жить обычной жизнью. Мне было страшно выбираться из зоны комфорта, а редкий выезд на уроки вокала мог доводить до панических атак, потому что я не сразу и не всегда принимала присутствие посторонних людей в своем пространстве.

Психолог говорила мне, что это связано с тем, что я слишком рано столкнулась с обрыванием совсем молодых жизней, прочувствовала горечь от самой страшной потери близких, что навсегда поселил в моей душе страх смерти. Мы работали с этим страхом, но порой он был настолько силен, что психолог сделала вывод о том, что я буду соглашаться с текущим положением вещей и жизнью под надзором дяди, до тех пор, пока не избавлюсь от страха говорить, проявлять себя настоящую миру, и не буду готова к нестандартным ситуациям.

Она говорила что-то о новых нейронных связях, которые формируются в человеческом мозге не просто так, а исключительно за пределами зоны комфорта и ломают сценарии привычного поведения, перепрограммируя выбор реакций человека на обыденные вещи.

И, кажется, это произошло со мной, после похищения. Мои реакции изменились, и я вряд ли смогу вновь стать прежней – робкой, закрытой, подавляющей в себе боль и обиду, смиренно склоняя голову перед взором Небожителей в лице дяди и брата.

Это прозвучит странно, но мне даже теперь дышится гораздо легче, словно в груди испарились свинцовые камни страхов.

Теперь я понимаю, что моя встреча с Кианом Мorte была неслучайна, и даже многое мне дала. Разбила мой кокон, в котором я так долго пряталась, скрывалась, выстраивала свой призрачный, но пустой мир, лишенный многообразия эмоций и права выбора.

Я больше не боюсь смерти.

Morte...

Я смотрела ей в глаза, я прикасалась к ней губами... и вдруг поняла, что страшна не сама смерть, а отсутствие реальной жизни в живом и здоровом теле.

Отсутствие эмоций, отсутствие развития, отсутствие движения – вот, чего действительно стоит бояться. И куда больше, чем смерти, я боюсь состариться в особняке Доменика Ди Карло. Остаться старой, одинокой, так ничего и не предпринявшей.

Невольно вспоминается низкий и глубокий баритон Киана, пульсирующий в висках и отдающийся гулким эхом в сознании:

«– Деньги это свобода, Амелия. А свобода – это жизнь.»

И я начинаю действовать:

– Дядя любит меня, Сандро. Он не сможет так поступить со мной. Он обещал мне дать гораздо больше свободы к моему совершеннолетию, разве он не человек слова? Он строг, он всегда гнет свою линию и любит держать все под контролем, – стараюсь рассуждать логически и тем самым успокаиваю себя, нервно заправляя спутанные волосы за ухо. – И особенно свою семью. Но я ему важна, и он не посмеет разрушить мою жизнь, отдав в руки человека, которого я не выбираю. Я же ему, как дочь. Он не желает мне такого несчастья. Разве он бы поступил бы так с Аннет или Мерседес? – Алессандро бросает на меня насупленный взгляд исподлобья, переполненный откровенным скепсисом и подтекстом «сними свои розовые очки, детка».

– Может, ты что-то путаешь, Андро? – вновь настаиваю я, прекрасно понимая, что Алессандро не несет ответственность за планы Доменика. – Вы оба запутали мою жизнь и возомнили себя ее Богами. Я больше не намерена это терпеть, Алессандро, скажу сразу: с этой секунды все изменится. Вы поили меня ложью все эти годы! Но ладно, Доменик... он всегда был для меня строгим дядей. Ужасно строгим, но великим человеком, который создал свою империю и держал на своих плечах большую семью. Мне казалось, его бизнес помогает людям, а не наоборот. К тому же, я не верю, что человек, жертвующий миллионы долларов на спасение редких животных, может быть плохим. И ты – человек, которого я считала своим лучшим другом и защитой по жизни, не удосужился открыть мне правду на то, что вся видимая деятельность нашей семьи – это постановка, театр, иллюзия... и к чему это привело? К тому, что меня взяли в плен и чуть не угробили! Вы этого добивались?

Все-таки знание истинных обстоятельств мне бы здорово помогло. Я бы не стала сбегать на тот бал, определённо... но с другой стороны, жалею ли я о своем проступке?

Нет.

– Прошу, Алессандро. Расскажи мне хоть что-нибудь. Все, что знаешь, – едва ли не пустив слезу, умоляю я брата, сложив ладони в молитвенном жесте. Его челюсть мгновенно напрягается, становится острее, выдавая нервозность и внутреннее напряжение Алессандро.

Он слишком сильно сжимает руль авто, но мотор машины наоборот заглушает успокаивающим поворотом ключа.

– Ты все уже знаешь насчет семей и возможных междоусобиц между нами, Мия. Этот ублюдок Морте наверняка рассказал, – нервно поведя плечом, огрызается Сандро, слегка ударя по рулю раскрытой ладонью. – У всех есть свои территории и бизнес-ниши. Конкретно наша семья занимается фармацевтическим бизнесом. Черт знает сколько лет и весьма успешно. Мы никогда от тебя этого не скрывали. Ты не жила во лжи, да и женщинам бесполезно знать вещи, которые их не касаются, – произносит сквозь сжатые зубы брат, пряча взгляд, словно его в этот момент съедает неприкрытый стыд и гложет чувство вины передо мной. Или перед самим собой?

Удивительно, как мне легко удается считывать чувства и настроение мужчины, при взгляде на которого, мое сердце бьется чертовски ровно, без намеков на сбой и приступы переизбытка чувств. Чувствую себя чертовски наблюдательной и проницательной. Жаль, что эти качества затухают во мне, когда рядом Киан Морте.

– Скажи мне, это, правда, что под словом «фармацевтический бизнес» скрывается наркоторговля? – вопрос в лоб, словно пуля, холостой выстрел, разрезающий тишину.

Алессандро нервно сглатывает. Даже в темноте я вижу, его резко дрогнувший кадык и ускорение пульсирующей вены на шее.

От осознания правды, в грудь вновь врастают глыбы из камня и гранита.

– Это ужасно, Сандро. Я не хочу быть частью семьи, разрушающей судьбы невинных людей, – признаюсь искренне, не в силах поверить, что действительно причастна к подобному. К смертям, болезням, зависимостям.

– Я хочу, чтобы Доменик отпустил меня, как только мне будет двадцать один, как и обещал, – твердо произношу я. – Как думаешь, у меня получится уговорить его? Помоги мне, прошу...помоги мне убедить его, Сандро, – немного наивно, немного отчаянно, но я вцепляюсь в пиджака брата и заставляю Алессандро посмотреть на меня. Сандро буквально съедает меня своим взором, гладит им, не пропускает ни миллиметра. Прикасается нежно к щеке, и достает прядь моих волос из-за уха обратно, поглаживая её своими крупными пальцами. – А если вы считаете, что это опасно, так я готова отдать часть своего наследства на лучших агентов, которые отправят меня куда-нибудь подальше, поменяют мне документы и вообще... я стану новым человеком. Хотя, конечно, мое сердце будет разрываться от мысли, что я больше никогда вас не увижу...но мои моральные ценности в данном случае мне важнее, – лепечу я, перебирая варианты исхода событий.

– Мия, он ни-ко-гда тебя не отпустит, – обрекая меня на очередной всхлип, полный обиды и чувства несправедливости, отрезает Алессандро. Выделяет слово «никогда» по слогам, передавая всю его фатальность.

Отводя взгляд, мужчина устремляет свой взор в пустоту, добавляя безжизненно:

– Что касается моральных ценностей, то мы продаем лекарства, а не наркотики, – что-то в его дрогнувшем тоне заставляет меня усомниться в том, что это правда. – Возможно, продаем чуть больше, чем это необходимо и не только, тем, кто в этом действительно нуждается, – продолжает Алессандро, и я понимаю, что он имеет в виду теневую сторону этого сложного и опасного рынка. А она определенно есть, судя по выражению его лица и тону голоса.

– Если компания дяди увеличивает продажи каким-либо грязным способом, агитацией или пропагандой БАДов, витаминов и прочего...то это отвратительно. Что там еще бывает плохого?

– Вся страна сидит на витаминах, Мия. Людям необходима «волшебная таблетка», понимаешь? Мы даем им то, в чем они нуждаются, – глухим голосом изрекает Сандро. – В мире нет ничего отвратительного, как и ничего прекрасного. Нет однозначно черного или белого, –

ударяется в философию брат, хотя я уже услышала все, что хотела и сделала свои окончательные выводы.

Я действительно ничего не знаю о своей «семье», как сказал Киан.

И судя по всему, Ди Карло мало чем отличаются от Морте в своей сути. Оба клана являются огромными механизмами по выкачиванию денег, и пойдут по головам ради увеличения прибыли, материального статуса, не брезгуя наступить на горло своей совести и закрыть глаза на нормы морали.

Чувствую себя потерянной мышкой, которая вдруг заметила, что всю жизнь умудрилась прожить в логове шакалов, и чудом осталась среди них живой.

Надолго ли?

– Не понимаю, как это возможно. Почему вас всех еще не посадили? Куда смотрят органы, отвечающие за пресечение всего зла, что творят *пять семей*? – в ответ, Алессандро лишь расплывается в многозначительной ухмылке, глядя на меня так, словно я застряла в шестилетнем возрасте.

– Моя наивная девочка... – с нежностью добавляет он, и если бы раньше, я никак не отреагировала на эти слова и его прикосновение, то сейчас, я отрицательно качаю головой и убираю его руку от своего лица.

На лице Алессандро отражается изумление, гнев и ярость, явно направленная на того мужчину, который сделал меня такой борзой и пытливой. До этих пор, я никогда себя так не вела, чтоб вы понимали.

Вечно проглатывающая все, вечно принимающая, вечно управляемая.

– Их гораздо больше по всей стране, Амелия. И ответ на твой вопрос прост: все в этом мире соткано из денег. Все покупается и все продается. Пока в так называемых «органах власти» есть наши союзники и люди, бессильно даже ФБР, не говоря уже о других организациях.

Вот так просто? Но как...

– Деньги, деньги, деньги, – безжалостно выплевываю я, кидая взгляд на часть огромного особняка семьи Ди Карло, в некоторых уголках которого я вообще никогда не была. Нужно очень постараться, чтобы обойти эту резиденцию и прилегающую к ней масштабную территорию. Даже для очень большой семьи это пространство необъятно.

– Я бы променяла все до последнего цента на жизнь родителей, – срывающимся голосом шепчу я, вспоминая их улыбающиеся лица. – Или на свободную жизнь, где-нибудь на необитаемом острове в единении с природой...

– Поверь, я бы с радостью убежал с тобой, на какой-нибудь чудесный остров, Мия. Но мы все рождены при определенных обстоятельствах, в неких рамках. И иногда мы не имеем право за них выйти... чтобы не потерять все, чтобы не остаться никем, – признается Алессандро, снова обхватывая мое лицо ладонями, и я читаю в его взгляде, что гложет брата.

Знаю, что деспотичный отец оставил на нем печать своих ожиданий, и сотворил из него себе подобного: верного пса, который продолжит дело и бизнес всего рода Ди Карло. Должно быть, каждый дон помешан на этом. На наследнике, которому отдаст все свое детище. Я всегда знала об обязательствах Сандро перед Домеником, просто никогда не думала, что «дела семейные» выходят далеко за границы закона.

– Ты говоришь так, словно у нас нет возможности выйти за эти рамки... словно мы безвольные создания, Сандро, – качаю головой, ощущая, как в горле стоит ментальный игольчатый ком и увеличивается до нереальных размеров.

– Нет, я так не думаю, Мия. Я знаю одно: наша семья должна развиваться, идти вперед. Наши потомки должны быть сильнее и лучше нас, и сейчас наша задача не потерять все, что было накоплено предыдущими поколениями семьи Ди Карло, – меня тошнит и нервно передергивает от его слов, напоминающих проповеди завербованного сектанта.

Я согласна с тем, что хочется дать своим детям самое лучшее в жизни, но не ценой же других людей! Мы же не в джунглях живем. Почему, что Киан, что мой брат рассуждают так, словно «естественный отбор» в обществе разумных людей – это нормально?

Мир больших денег жесток, бескомпромиссен и безжалостен.

И я не понимаю стремление человеческой сути к жадности и бесконечному потреблению, по крайней мере, в таких масштабах, как у Доменика и Энтони Морте. Почему нельзя делиться с миром больше, чем получать от него? Почему деньги для многих – маниакальная цель, которую нужно иметь и преумножать, и неважно, что за всю жизнь их не истратить?

– Можно развиваться в другом направлении и оставить своим потомкам самое лучшее, создавая что-то прекрасное, а не убивая косвенно или напрямую других людей. Помогать миру. Я не знаю, как посмотрю Доменику в глаза, после того, что узнала в плену у Морте, после разговора с тобой... – нервно качая головой, предвкушая ещё более тяжелый разговор с дядей.

– Мия, ты все эти годы пожинала плоды того, что наработано нашей семьей. Жила в достатке и комфорте. Не забывай, что Доменик забрал тебя из жуткого интерната, хотя не должен был... ты обязана ему всем, что имеешь, – напоминание Сандро парализует меня до мурашек. Быть должной и обязанной кому-либо – одно из самых неприятных чувств на свете, хотя до этого момента я испытывала к Доменику лишь глубокую благодарность за свое спасение.

В интернате я бы долго не протянула, жестокость его управляющих была откровенно больной, нездоровой и неадекватной. В стране есть прекрасные интернаты и приюты, откуда дети попадают в чудесные семьи, но мой был не из таких. Если бы я осталась там, я бы могла быть отдана в одну из таких семей, куда-нибудь в Канзас, что коллекционируют детей для грязной работы или воровства.

– На эти самые деньги, которые ты так ненавидишь, ты училась. На деньги всей семьи. Ты выросла образованной и воспитанной, благодаря тому, что в тебя вложились! – цинично бросает мне в лицо Сандро. – И такой доброй и чистой, только благодаря любви своих родных родителей и отцовской заботе Доменика.

Невольно соглашаюсь с его словами, хотя прекрасно понимаю, что я выросла не только доброй и чистой, но и подавленной, забитой, наивной. Антисоциальной и тревожной.

– И как же мне найти решение? Предлагаешь выходить замуж за Кинга? Проглотить свою волю, затолкать гордость и свои права куда поглубже? – возмущаюсь я, скреживая руки на груди. Боже, неужели придется пойти на это?

И вообще, как это называется, когда за один день у тебя появляется два жениха? И оба ублюдка. Которых я не хочу.

Что Кинг, что Морте – оба причастны к миру крови.

– Я пока не знаю, Амелия. Я не хочу никому тебя отдавать, и ты сама об этом знаешь, – он слишком долго смотрит на мои губы, и я отвожу взгляд.

Киан

Закипающая кровь в венах ощущается как густая, обжигающая изнутри каждый дюйм, магма. Смертоносная, едкая, стремящаяся взорваться уничтожающим извержением.

Покрывать пеплом все чувства, все ощущения. Притупить эмоции, от которых химия гормонов давно отвыкла.

Проклятое чувство собственности, заставляющее меня до боли в костяшках пальцев сжимать кожаный руль Теслы и давить на педаль газа с бешеной силой. Я ослеплен сейчас и приходится действительно прикладывать огромные усилия, чтобы сохранять привычную сдержанность и холодность, что стала для меня второй кожей.

Хотя я не всегда был таким.

Памелла, что сидит сейчас на том самом месте, где я полчаса назад доводил до эйфории свою неискушенную девочку, вцепилась одной рукой в дверную ручку, а другой в мое колено. Хочется убрать с себя ее цепкие пальцы, скинуть небрежно так, указать на место дотошной сучке. Заорать во весь голос, разорвать эту дуру, которую пришлось спасать, на части...но я знаю, что Памелла совершенно не повинна в моих мощных эмоциях и неприязни к ублюдку, которому я передал **Мили**, и будет грубо срываться на ней. Беззащитная женщина – не боксерская груша.

Я знаю на ком вымещу свой гнев, когда окажусь дома. На самом Энтони Морте и на этот раз он выполнит то, что должен мне.

А пока мне просто нужна скорость.

Абсолютная тишина.

*И желательно, чтоб меня, бл*дь, не трогали.*

Грудь и легкие печет от одного лишь воспоминания того, как дрожащая Амелия прижимается к этому напыщенному сопляку. Своему брату, на которого смотрит с такой теплотой и открытостью, что тошно становится и нутро выкручивает от жажды порвать противника.

Это полный крах, если меня задевают такие мелочи, как взгляд.

Девчонка запала мне в душу. И это окончательно, стоит признаться в этом хотя бы самому себе.

И чем дальше, тем хуже, потому что я прекрасно понимаю, что каждый раз мне придется разрываться между приказами дона и Амелией, которой я все меньше хочу нанести реальный вред. Раньше, мне было почти все равно, я видел перед собой лишь одну цель – свое воссоединение с сыном и долгожданная свобода, и честно говоря, мне было плевать на то, сколько людей придется разрушить на пути к заветной картинке будущего.

Я бы соврал, если бы сказал, что жизнь сотен левых людей мне важнее всего одной.

Я не знаю, как и почему, но Амелии удалось поменять мое мировосприятие. Не сильно, не глобально, но пошатнуть мою Вселенную точно.

Я, конечно, итак собирался прийти к своей цели с минимум потерь, но теперь весь этот квест на пути к свободе, автоматически превращается для меня в хождение по тонкому льду. В изощренную игру, где мне не хочется быть уязвимым.

А судя по моей реакции на этого долбанного петуха Алессандро, я приобрел себе ещё одно слабое место, черт подери. Я задыхаюсь от ревности, когда представляю, как он едет с Мией так близко, что может в любой момент к ней прикоснуться...и оставить отпечатки своих грязных пальцев Ди Карло на женщине, которую я выбрал. Черт, надо было пристрелить его, закинуть Мию на плечо, наплевав на все последствия.

Это какое-то наваждение.

Безумие.

Желание держать ее рядом круглосуточно, не отпускать ни на метр.

Все это, черт возьми, очень некстати.

– Тебе совсем наплевать на меня, да? – писклявый голосок прерывает поток моих мыслей о Мие. – Молчишь! Даже не спросил, как я себя чувствую! – выстреливает претензиями бестия Пэм. – Еще и гонишь по трассе так, словно убить меня собираешься! – начинает учить меня вождению Памелла.

Сжимаю зубы до скрежета. В таком контексте я не терплю критику.

– Ты же знаешь, я всегда так вожу, – огрызаюсь я стальным тоном. – И насколько я помню, Пэм, ты получила, то, что хотела, когда сбежала. Поэтому не сомневаюсь в том, что ты прекрасно себя чувствуешь. Острых ощущений не хватало? Попадать в плен – это у тебя новое развлечение, лекарство от безделья? Может, стоило просто пройтись по магазинам, а заполнить скуку покупкой очередной сумки? – окидываю девушку беглым взглядом, оценивая реально нанесенный Памелле ущерб.

Вполне нормально она выглядит. Её не били, но она явно сопротивлялась, потому что ссадины от соприкосновения с каменным полом или стеной, все же имеются. Выглядит грязно и неопрятно, особенно в сравнении с обычным внешним лоском, который она придает себе каждое утро с помощью яркого макияжа и красивой одежды. В целом, Пэм отделалась легким испугом и это очевидно. Не сомневаюсь, что бешеная сучка даже кайфанула от подобного приключения. Я отлично знаю её характер... Памелла – это несостоявшаяся экстравагантная рок-звезда, созданная для того, чтобы впечатлять публику своими экстравагантными выходками.

– А что, если я внимания твоего элементарно хотела? Что если, специально сбежала? – возмущенно всхлипывает девушка. – Я думала... тебе будет не все равно, – дрогнувшим голосом предьявляет Пэм.

Детка, снизь свои долбаные ожидания от окружающих и мир тебе улыбнется. Я не виноват в том, что не оправдал их.

– Мне не все равно, как видишь, – небрежно бросаю я. – Я за тобой приехал.

– Потому что отец приказал, да? – пытается меня Памелла.

Молчу, бросив все свое внимание на трассу, намереваясь прекратить участие в её истерике.

– Киан, кто *она*? – перепрыгивает на другую тему Памелла, не смирившись с моим молчанием. – Эта девушка, что была с тобой? Я видела твой взгляд, – ехидно замечает она, сжимая ладонь чуть выше моего колена. – Или мне показалось?

– Прекрати, Пэм. Тебя не должно волновать, как и на кого я смотрю. И стоит забыть то, что было, между нами, в далеком прошлом. Это было ошибкой, глупым развлечением. Отныне ты моя сестра. Я рад, что сейчас ты в безопасности, – отстранённо произношу я, и буквально слышу, как у девушки в ответ схватывает дыхание.

– Киан... что? В далеком прошлом!? В далеком? – с возмущением бросает она, задыхаясь от гнева и обиды. – Киан, зачем ты так со мной? – и вновь тон её голоса сменяется на умоляющий, выпрашивающий внимания, жалобный. Так отличающийся от гордого, вызывающего и строптивного голоса Мии. – Неужели ты не помнишь? Ты мой... мой... Киан, – заявляет девушка, и прикасаясь к моему лицу, пытается обратить на себя мой взор, но меня лишь корбит от её прикосновений и навязчивых действий.

– Поцелуй меня, Киан, – жалобно умоляет Пэм. Отвлекая от дороги, прилипает к моему плечу лбом, потираясь об меня, словно кошка в стадии течки. Бл*дь, как же она бесит.

– Я все сказал, Пэм. Наша интрижка в прошлом. Закружи тему.

– Но я так скучаю, Киан. Очень. Безумно, – томно выдыхает мне в ухо девушка. – Киан, пожалуйста, – умоляет идиотка, только что вышедшая из заложниц. Не похоже на то, что случившееся было для нее психологическим испытанием, судя по тому, что её рука скользит вверх по моему бедру. Стремительно, быстро. Её мягкая ладонь сжимает мой член, возбужден-

ный мыслями об Амелии, через джинсы. Я слишком занят рулем, чтобы остановить действия Памеллы, что наспех расстегивает мою ширинку и бесстыдно так, поглаживает мой каменный ствол сквозь боксеры.

Мои мысли где-то далеко, в спальне Амелии, и, несмотря на то, что у меня стоит, невербальное предложение Пэм мне не интересно.

– Руки убрала, – приказным тоном рычу я, оскалившись на Памеллу.

– Но тебе же приятно, Киан, я знаю и чувствую...вижу, – с придыханием замечает Пэм, мастерски обращаясь с моим членом.

– Ты только что находилась в заложницах, у тебя есть голова вообще? Может, стоило тебя там оставить?

– Мне срочно нужен мой любимый антидепрессант, Киан. Я знаю, что успокоит меня... тебя. Ты вспомнишь, каково это быть со мной, и станешь добрее, правда? – наивно рассуждает глупая женщина, и в этот момент я останавливаюсь на светофоре. Все происходит довольно быстро. Памелла наклоняется лицом к моему паху, высвобождает мой напряженный член из тесных боксеров и глубоко заглывает его без лишних прелюдий. Кайф и низменное, быстрое и фальшивое удовольствие, простреливает пах.

Такое пустое, плотское и чертовски яркое наслаждение.

Пелена телесных реакций на её действия немного затуманивает разум.

Ничего не могу поделать. Раз пошла такая вечеринка, то я не против вынести свой гнев естественным образом. Памелла, конечно, не боксерская груша, но соска отличная.

Но я хочу прекратить все это. Ее унижения, постоянные намеки. А раз по-хорошему Пэм не понимает, придется накачать её собой до тошноты в буквальном смысле. Включаю аварийный знак ровно на минуту, разбавляя звук характерного причмокивания автоматическим. Беру Пэм за волосы и толкаюсь бедрами в рот девушки, ощущая, как головку сжимают стенки её горячего горла.

– Пэм, ты сама попросилась, – глухо замечаю я и тяжело дыша, позволяю всем скопившимся бесам выйти из себя через минутную грубость. Девушка явно не ожидала такого расклада, но надеюсь, она навсегда запомнит такое обращение и больше никогда не посмеет унижаться передо мной.

Насаживаю рот Пэм в слишком быстром и интенсивном ритме, и она даже не возмущается и не сопротивляется, хотя очевидно, что она давится и едва дышит, когда я тупо использую её горло, которое она сама так любезно мне предоставила в прокат. Когда все уже кончено, я смахиваю с её губ сперму салфеткой, отталкиваю её от себя и бесстрастно застегиваю молнию на джинсах. Вновь хочу тронуться с места, как ни в чем не бывало, но эта дура все ещё лезет ко мне с голодными поцелуями. Отворачиваюсь, отстраняя от себя Памеллу. Нет ничего хуже, когда женщина ведет себя, как назойливая муха.

Черт, не стоило этого делать.

Я чувствую себя грязным и в очередной раз пробившим дно мудаком, потому что вновь поддался мимолетному желанию слить энергию взамен на удовлетворение плотской потребности. К тому же, трахать Пэм, несмотря на то, что она никогда не была мне сестрой, не правильно. Впрочем, что сделано, то сделано. Ещё одно доказательство того, что мы долбаные животные.

Мы все грешные и дикие, хаотичные создания в вечных поисках порядка и гармонии, а кто уверяет в обратном, является дьяволом во плоти.

– Киан, почему ты так груб со мной...я же знаю, ты хочешь продолжения, – затуманенным взглядом, Пэм не отрываясь, смотрит на мои губы с мечтательным, влажным, ожидающим, выражением лица. Я чувствую запах её возбуждения, она источает флюиды желания, зазывая меня в свои сети. Вновь тянется к моим губам и льнет к плечу, но теперь уже я твердо пресекаю её попытки вторгнуться в мою зону комфорта.

– Угомонись, Пэм. Это было в последний раз. В следующий раз будет хуже, – предупреждаю я, как Пэм, проглатывая унижение и гордость, поглаживает кожу шеи, явно испытывая боль и дискомфорт в горле. Черт, как она может так унижаться? Это было слишком дико и быстро, я просто использовал её рот, полностью контролируя процесс и темп проникновения.

– Ты ублюдок, Киан. Но я люблю тебя, – блаженным тоном заявляет она, откидываясь на спинку кресла и расслабляясь окончательно.

Мне даже жаль её. Но это Пэм. Ненормальная нимфоманка, но на самом деле глубоко травмированная девочка. Ещё бы – в этой семейке очень трудно вырасти адекватным человеком.

– Тебе нужна помощь специалиста, Пэм. Я найду хорошего психолога. Как можно так себя не уважать? Все будет хорошо, – она кладет голову на мое плечо и глухо хныкает. Обнимаю девушку, наспех целуя во влажный лоб.

– Мне очень жаль, что когда-то я позволил этому произойти. Ты сама все знаешь. Тебе нужно отпустить прошлое, Пэм. С этой секунды, ты моя сестра, и это уже окончательно, – расставляю все точки над «и», на что Памелла отвечает горьким завыванием. Возвожу взгляд к потолку, невольно радуясь тому, что мы почти дома и наконец, разойдемся в разные стороны.

Надеюсь, Памелла будет хорошей девочкой и сделает свои выводы из данного эпизода. И не причинит вреда Амелии, когда та станет моей женой и все об этом узнают. Черт возьми, я уже начинаю сомневаться в том, что брак со мной обезопасит девушку.

Но выбора не так много. Из двух дерьмовых вариантов, остается выбрать лишь наименее дерьмовый.

Без нашей помолвки она уже ходячий труп, но много ли изменит наш брак?

* * *

Через пятнадцать минут, отправив Памеллу в свою спальню с дюжиной горничных, я стремительным шагом направляюсь в кабинет Энтони Морте. Врываюсь посреди личного совещания дона со своим консультантом и одним из отрядов. Уничтожающим взглядом окидываю мерзкий кабинет Энтони, провонявший знакомым, доводящим до тошноты, запахом сигар. Наконец, встречаюсь с пытливым взглядом дона своим и выпаливаю под воздействием мощных эмоций и выброса адреналина:

– Всем немедленно выйти! – диктуя свои правила прямо при главе клана, рывкаю я. – У меня важный разговор к дону, – обвожу каждого своим фирменным сталкерским взглядом для профилактики, чтоб поторопились, собрали свои дебильные папки и свалили скорее.

Все присутствующие солдаты смотрят на меня с выражением легкого ошеломления, а потом резко переводят свои взоры на Энтони Морте, в ожидании его ответа и позволения выйти. Пустоголовые роботы, иначе не скажешь. Есть, конечно, адекватные члены семьи, но в основном это неосознанная масса, которая жаждет денег и ощущения находиться в закрытом, опасном, но привилегированном обществе.

Власть над мирными жителями, искусственно созданное ощущение себя особенным, уникальным, после вступления в *cosa nostra* – дешевый наркотик, на котором все здесь конкретно так сидят с первой дозы.

– Хорошо, мы как раз заканчивали. Я ждал Киану. Все можете идти, – взмахнув слегка скрюченной от нервного спазма, морщинистой кистью, дает повеление своим подчиненным Энтони Морте.

Каждая мышца в моем теле напряжена до предела, вся сила и кровь стекает густым свинцом в стиснутые до боли кулаки, когда смотрю на вальяжную походку дона, измеряющего длину своего рабочего стола короткими шагами, и количеством затяжек элитной сигары. Мы оба молчим, но ровно до тех пор, пока дверь с грохотом захлопывается за последним солдатом,

капитаном и консультантом Леоном Гомез. Как только мы остаемся одни, Энтони останавливается в районе середины дубового стола и, бросая тяжелый, глухо отчитывает:

– Очевидно, ты принес мне очень важные новости, сын мой, раз позволил себе недопустимое поведение в присутствии моих подчиненных, – его скрипучий тембр напоминает звук скольжения мела по пластиковой доске. В солнечном сплетении затягивается очередной узел неприязни и ненависти к отцу, и у меня такое чувство, что очень скоро он разрастется до размеров диафрагмы и встанет глыбой поперек грудной клетки. – Еще раз позволишь себе нечто подобное, я не пощуплюсь на наказание одного из своих наследников. Я вообще, прощаю тебе многие вещи, Киан...наверное, потому что вижу в твоих поступках, даже в таких мелочах, как общение с поданными – твой характер. Я вел себя точно также в твоем возрасте. Непобедимый, но закрытый бунтарь, мечтающий о призрачной свободе...и о безграничной власти. Я разрывался между двумя гранями, двумя целями, и меня постоянно метало из стороны в сторону, потому что я боролся с тем, с кем никогда не стоит бороться. С самим собой, Киан. Я вижу себя в тебе так отчетливо, что признаться, все меньше рассчитываю на Стефана... – вслух рассуждает Морте, вновь окрашивая мой мир в черный цвет. – Я так понимаю, все прошло успешно? Мне сказали, что Памелла дома. Она будет под домашним арестом.

– Маячок на Амелии, – сухо отчитываюсь я, вспоминая об обручальном кольце на безымянном пальчике Амелии и то, какими огромными, полными удивления и шока глазами, смотрела на меня девушка. *Голубые кристаллы в обрамлении черно-угольных ресниц...она космический магнит, моя ожившая фантазия, падающая звезда, озаряющая небосвод жемчужным бликом.*

Черт. Когда женщине удастся коснуться твоего духа, не так уж и стремно быть романтиком, хотя бы в своих мыслях.

– Что ж, это превос... – одобрительно кивает Морте, но я обрываю дальнейшие слова донна.

Резко делаю шаг по направлению к отцу и смотрю на него уничтожающим, требовательным, приковывающим к краю стола, взглядом и чеканю по слогам, не в силах больше терпеть отказов в своей просьбе.

– Дай. Мне. Поговорить. С сыном, – шиплю я, ощущая, как болезненно вибрирует каждая клеточка в теле. Меня бросает в жар от одной лишь мысли, что я могу увидеть Антея и удостовериться, что с ним все в порядке. Увидеть его глаза, отражающие мои. Простое счастье любого отца...просто посмотреть, на то, как он вырос с момента нашего последнего разговора.

Мы говорили по видеосвязи около *года* назад.

И я не видел сына в реально жизни около *шести* лет.

Сердце обливает агонизирующим пламенем, бросает его в пекло, и я ощущаю острую боль в области грудной клетки, от которой невозможно избавиться. Ни таблетки, ни убийственная доза морфия не убрала бы эту горечь. Только глаза сына способны остановить испепеляющий ад внутри.

– Я сделал все для тебя сегодня. Я готов был выстрелить этой наивной дуре в голову. Да, я знал, что револьвер не был полностью заряжен, но проверив его, я обнаружил один патрон в барабане, – намеренно обесцениваю Мию в разговоре с отцом. – На прошлой неделе я решил все вопросы с этим дурацким портом и именно благодаря мне, доходы семьи в очередной раз выросли. Мы прекрасно знаем, отец. Что ты уже отвык от беготни и реальных дел, тебе нравится играть в Короля и поданных, отсиживаясь в особняке. Если я прямо сейчас пушу себе пулю в лоб, ты ни черта без меня не сможешь, а Стефан в том состоянии, в котором он находится сейчас, потянет весь клан на дно. То, что создавалось годами и поколениями будет разрушено, а Энтони Морте войдет в историю мафии, как дон, который все потерял. Ты этого хочешь, отец? Я знаю, что я прав, не смотри так на меня!

– Ты забываешься сын мой. Забываешь о том, что за твою дерзость, может пострадать Антей, – вновь тянет на себя манипуляторный рычаг Морте, но я не намерен сейчас вестись на словесные провокации.

– Ты отнял у меня жену. Почти отнял сына. Если ты отнимешь его у меня, если ты причинишь ему хотя бы сотую грамма боли, я живого места здесь не оставлю, – озлобленно рычу я, не выдерживая эмоционального накала, хватаю дон за ворот пиджака, заглядывая в глаза Смерти.

– Я не убивал Ванессу, – безжизненно оповещают его иссушенные губы.

– Виновного в подрыве машины, где она находилась, установить невозможно. Очень удобно, ничего не скажешь. Но сейчас меня волнует не прошлое, а настоящее, Морте. Я не позволю тебе способствовать тому, чтобы Антей забыл меня! Три дня назад у него был день рождения. Ты не дал поздравить. Мне нужно поговорить с ним, – меня трясет вместе с пиджаком и Энтони Морте, заключенного в мою хватку. Наконец, я отпускаю его, прекрасно понимая, что перешел черту.

На несколько долгих минут пространство до краев наполняется густой, давящей тишиной, которая изредка нарушается моим тяжелым дыханием.

– Она будет в тебе излишнюю эмоциональность. Эта puttana открывает твоё сердце, Киан, – голос Энтони разрезает пространство, подобно взмаху заточенной сабли.

– Она тут не причём. Весь мой мир вертится вокруг Антея, и ты это, к сожалению, знаешь. Все, о чем прошу – это поговорить с ним прямо сейчас, – разрушительное чувство зависимости и унижения перед доном вновь овладевает меня.

Я почти готов *умолять* его о том, чтобы он позволил увидеть сына. Это ужасно.

Но я больше *не могу* так.

Не могу засыпать в настоящем аду, с мыслью о том, что даже не поздравил его с днем рождения. Он думает, что мне плевать на него, он забывает меня, я в этом уверен, черт подери.

Он ненавидит меня. Маленький человечек, который до пяти лет рос на моих глазах, был нашим с Ванессой миром, считает меня самым дерьмовым отцом на свете. Я не могу смириться с этой ядовитой мыслью. И просто... скучаю до жуткой рези в груди.

– Открытое сердце – это прекрасно, Киан. Но открытое сердце так легко ранить, – Энтони Морте качает головой и берет со стола одно из лежащих в витиеватой корзине, красное яблоко. Из внутреннего кармана пиджака дон достает швейцарский нож и быстро разрезает фрукт пополам, и вгоняет острие в сердцевину яблока, образно олицетворяя произнесенные им слова.

Кожа в зоне затылка мгновенно покрывается инеем, хотя внешне я даже бровью не веду, наблюдая за кровожадной демонстрацией Морте.

– Хорошо, сын мой. Ты поговоришь с моим внуком. Ты заслужил, – его губы раздвигаются в неискренней улыбке, и дон хлопает меня по плечу.

Я стараюсь не думать, каким образом мне достался разговор с сыном. Ещё бы чуть-чуть и пришлось бы умолять.

По телу разливается приятное тепло от предвкушения нашей видео-встречи и это все, что имеет сейчас значение.

* * *

Я нахожусь в специальной комнате, сильно напоминающей звукозаписывающую студию своей атмосферой бункера, в которой всегда разговариваю с сыном. Пространство темное, аскетичное. Без окон, освещение слабое. Я сижу за столом перед огромным монитором компьютера, на котором совсем скоро увижу своего *сына*.

Антея.

А он увидит меня в этой долбаной военной форме, которую я всегда надеваю, чтобы он верил в красивую легенду про своего отца. Антей думает, что я на службе, выполняю секретные задания и спасаю мир. Ему было почти пять, когда умерла Ванесса, и когда нас разлучили.

Когда-нибудь я расскажу ему всю правду, как это произошло.

В лицо, ничего не утаив, не солгав и единожды.

Я сброшу маску супергероя перед осуждающим взором собственного сына, своего продолжения и плоти и надеюсь, что он найдет в своем сердце место для любви ко мне. Для такой любви, которую я отдавал ему первые годы его жизни и получал от него взамен в форме бесконечного, искристого смеха, глупых детских вопросов и теплых объятий.

Мое сердце готово взорваться атомной бомбой, когда я вижу на экране его имя и слышу характерные для звонка по видеосвязи гудки. Ровно через минуту, которая кажется мне вечностью, на экране, наконец, появляется изменившееся лицо Антея.

В горле мгновенно образуется ком, все мышцы сводит. Веки выжигает что-то очень мощное, готовое прорваться из глубин сердца. Но я держусь.

Я говорил Антею, что мужчины не плачут, но на самом деле я встретил его в этом мире со слезами на глазах. У Ванессы были долгие роды, и я находился рядом, контролируя действия врачей от и до. Переживал, кусал губы, напоминал ей о дыхании...это было целую вечность назад, но я прекрасно помню, как я любил эту девушку. Первая любовь это что-то вечное, светлое, незабываемое и она всегда будет идеальной, молодой и прекрасной в моих воспоминаниях. Именно с ней и с Антеем я в последний раз был по-настоящему счастлив, а такое не забывается, не глушится даже сотнями греховных поступков, которые совершил после. Какой бы тьмой не была бы переполнена моя личность сейчас, воспоминания о времени, когда я нес ответственность за свою любимую, за сына, и за семью – это именно то, что помогло мне не превратиться в бесчеловечное чудовище окончательно, как это происходит со многими внутри *cosa nostra*.

– Папа, – просто произносит Антей, вздергивая одну бровь удивленно. Словно не верит в то, что он видит.

Словно я Призрак. Какая ирония...только не призрак оперы, а призрак отца.

Наверное, проходит секунд десять, но в моих мыслях пролетает целая жизнь, пока я смотрю *в свои глаза* на повзрослевшем лице сына. Ему уже больше десяти лет и за последний год он явно вырос, черты лица стали слегка более острыми, и я знаю, что к четырнадцати он почти догонит меня по росту, а время и мои гены подарят ему мужественные черты лица.

Звучит не скромно, но у нас с Ванессой получился классный парень, который разобьет немало женских сердец...и мне очень жаль, что сейчас я думаю о его внешнем виде, а не о том, каким он является человеком...ведь я не знаю каким, я не нахожусь рядом, не проживаю с ним каждый день.

Я почти не знаю человека, которого люблю больше всех во Вселенной, а он не знает меня.

У меня есть только бесценные воспоминания. Пришло время немного рассказать о Ванессе, потому что глаза сына, хоть и являются моим отражением, все равно остаются шрамом на сердце, который остался от утраты Несс.

Так вышло, что мы с Ванессой росли вместе в одном пространстве, в одном доме. Поэтому я был раздражен в разы сильнее, когда увидел Амелию в объятиях своего брата. Когда дети растут вместе в довольно закрытом доме и в рамках, это может привести к определенным последствиям. К счастью, мы с Несс никогда не приходились братом и сестрой. Ванесса была дочерью прислуги Анастейши, или как она просила её называть – Анастасии, которая на момент моего попадания в семью Морте, управляла хозяйством в доме уже около десяти лет. Анастасия бежала из Греции больше двадцати лет назад из-за серьезных проблем на род-

ной земле, и судьба привела её особняк семьи Морте, где она родила Ванессу, а затем Бланку и Веронику. Им было три, когда умерла Несс. Сейчас им девять, и я помогаю им настолько, насколько это возможно.

Мы с Ванессой одного года рождения. Я не знаю, можно ли назвать нашу любовь красивой, яркой и интересной, но она определенно была настоящей. Ведь, несмотря на то, что в связи с образом жизни юного наследника клана я вел довольно разнузданный образ жизни и много взрослых и опытных женщин валялись в моих ногах, когда я ещё был достаточно юным парнем.

В шестнадцать лет мне хотелось трахать все, что движется.

Пробовать миллион аппетитных крошек, ставить рекорды и заниматься прочей ерундой, продиктованной бурлением гормонов. Да и нужно было как-то расслабляться во время обучения, заданий, которые вытаскивали из меня дьявола во плоти, позволяя тьме и яду заражать кровь с космической скоростью.

А Несс...она другой была, не дешевой и легкодоступной куклой из борделя. И не подаренной Энтони на день рождения шлюшкой, хотя бывало и такое. Она была невидимкой в особняке, а я с малых лет любил разгадывать загадки, шарады и головоломки.

Три слова: *она меня зацепила*.

Скорее, Несс была молчаливой и загадочной девушкой, вечно читающей свои заумные сказки в библиотеке, где я и распаковал её в первый раз, застав девушку ночью за чтением довольно эротичного французского романчика. Стыдил и наказывал я её в ту ночь очень долго, а потом мы зажгли камин, растянулись на полу и просто говорили до самого утра. Обо всем. Хотя в основном говорила Ванесса: рассказывала о последних прочитанных ею книгах и фильмах, от которых я был далек, но с увлечением слушал её пересказы. Естественно, она была влюблена в меня все эти годы. Любой маленькой девочке нужна влюбленность, страдания, драма...а влюбляться больше особо было не в кого, ну не в Стефана же, правда? Несс сразу поняла, кто здесь «папочка».

Это она так сказала. Начиталась грязных романов малышка.

Мне действительно было с ней интересно, хорошо и очень, чертовски горячо, несмотря на то, что она была...такой обычной. В том плане, что уже в семнадцать лет я был чертовски искушен и избалован разными голодными и взрослыми дамами и шлюхами, на которых пробу ставить негде.

Я нуждался в чем-то нормальном. Как у всех. Ванесса была той девушкой, которую я мог бы встретить, если бы остался сыном фермера в нашем маленьком городке.

Ванесса была олицетворением всего, что я потерял в девять лет, когда маму изнасиловали и убили, а отца застрелили. И я любил её, свою мечту, параллельную реальность, которая не сбылась, не произошла.

Случилась другая, где я стал одним из главных членов преступного клана.

Прошло десять лет, и история повторилась с Мией. Хотя, я не скажу, что девушка Ди Карло будит во мне только светлые чувства. Наоборот, слишком противоречивые, чтобы я имел возможность их адекватно отслеживать.

Ванесса забеременела, а отец с детства твердил мне, что члены семьи Морте должны жениться и родить наследников. Прежде чем он сделал бы выбор за меня и предложил мне брак по расчету, я заявил о своем желании взять в жены Ванессу. Энтони отреагировал спокойно, да и новость о внучке его обрадовала. Он разрешил этот брак, хотя конечно не одобрял его в глубине души. Как бы там ни было, даже в омерте прописана важность семьи и ценностей рода.

Семья – это всегда дети, а когда эти дети мальчики, это будущее движение, рабочая сила клана. Все просто. Опять же, как в дикой природе.

Когда Антей родился, я ничего не понимал.

В восемнадцать никто не готов стать отцом, но когда я увидел, как бережно и в то же время очень крепко, Ванесса впервые прижимает его к груди и плачет навзрыд от счастья и радости, я искренне поверил в то, что мы справимся. Помню, как целовал её руку, находясь в беспамятстве, а потом и сам взял сына на руки... весь остальной мир превратился в туман, небытие, и на несколько долгих минут вся Вселенная сократилась до размеров недовольного и плачущего существа. Моего сына.

Я не знал, как его держать.

Боялся случайно поранить, взять не так за голову, ненароком её свернуть... я боялся даже дышать над Антеем, и совершенно не понимал, как подступиться к ребенку. Ванессе тоже было нелегко, но потом все знания пришли сами собой. Через полгода я даже научился менять подгузник одной рукой, потому что вторая была занята какой-нибудь нелепой погремушкой.

Конечно, у меня было не так много времени помогать Ванессе, но не меньше, чем у среднестатистического мужчины работоспособного возраста. Самым странным и непривычным для меня стало то, что утро и первую половину дня я проводил в идеальном мире, рядом с Ванессой и Антеем, а вечером уходил на свою кровавую «работу», где приходилось вершить судьбы голыми руками, переходя все грани дозволенного и нормы морали.

В том возрасте мне приходилось убивать чаще, любой враг Энтони Морте должен был быть устранен без права на оправдание.

Моими жертвами являлись далеко не святые люди, но это никак не отбеляет мою карму, верно? Глупо и лицемерно притворяться Робин Гудом из сказки, когда являешься обыкновенным киллером. Я никогда не забуду, как однажды, вернулся глубокой ночью. Руки по локоть в крови, белоснежная рубашка обогрета алым цветом. Борясь с тошнотворным рефлексом, я намеревался пройти в ванную, и наткнулся на Несс со спящим Антеем, прижатым к груди. Она встала покормить его, поэтому не спала.

Моя жена кинула на меня уничтожающий взгляд, полный боли и отчаяния, и ушла в спальню, не проронив ни слова.

Я не сразу привык к сыну, хотя любил его безмерно, невозможно, сильно... как никогда и никого на свете. Осознание того, что я – отец, пришло ко мне только через год после его рождения.

Мы с Несс улетели на три дня в Майами. Солнце, теплый океан, воздушные и объемные облака. Там, Антей сделал свои первые шаги и невнятно пробормотал «папа» и потянул мои волосы на себя крошечным кулачком, когда я заходил с ним на руках в мягкие волны.

Я смотрел на это чистое, невинное и прекрасное создание. Мое продолжение, мою плоть и кровь, сотворенное из нашей любви и страсти. И меня вдруг накрыло такой гордостью за Антея, за Ванессу, что подарила мне сына.

А вслед за гордостью пришел стыд: удушливый, пожирающий изнутри, обугливающий легкие. Стыд, за все, что я делал под покровом ночи. В тот момент, я понял, как важно выйти из «семьи» Морте. Антей и Ванесса стали для меня мотивацией, движущей силой, бесконечной энергией, на пути к свободе... я разработал план по сепарации от клана и начал медленно, но мерно двигаться к нашей свободе, но потом, со смертью Ванессы все изменилось, оборвалось, не сбылось.

Так бывает.

А сейчас Антею уже десять лет, черт возьми. И если в год он смотрел на меня, как на подобного Богу, то сейчас он истребляет меня одним своим взором, словно я долбаный враг номер один в его жизни.

– Ты не приехал на мой день рождения, – с укором замечает Антей. – И даже не позвонил. В который раз, – отводит сталкерский взгляд в сторону.

Если честно, меня напрягает его способность стрелять глазами.

Антеи сидит в темной комнате, как и я. На нем всегда довольно легкая одежда и я уверен, что живет где-то в теплом климате. Сын переводит взор на мою военную форму, с неприязнью оглядывая её. Он думает, что я солдат засекреченных служб, но если раньше я выглядел супергероем в его глазах, то теперь я – дно и отец-ублюдок. Не нужно быть гением, чтобы прочитать эти эпитеты в выражении его взгляда.

– Антей, давай не будем об этом. Мне очень жаль. Я ничего не обещаю, потому что знаю, что сейчас не в состоянии выполнить все, что могу сказать...

– Тогда я не хочу с тобой разговаривать, черт возьми! Зачем ты позвонил? Сделать вид, что тебе не плевать на меня? – вдруг взрывается сын, его лицо искажает гримаса боли, непонимания, недоверия, гнева.

У меня схватывает дыхание от агонии, разливающейся в венах.

– Антей, я бы очень хотел приехать, но не смог. Я хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя, несмотря на это, – стараясь произносить слова ровным тоном, тихо но уверенно проговариваю я, глядя в глаза сына.

– Когда люди любят друг друга, они находятся рядом, – со злобой выплевывает он банальную истину. – Ты лжешь и всегда мне лгал. И мама меня не любит и никогда не любила. Она тоже ушла.

– Твоя мама не виновата, – качаю головой я. – Антей, послушай. Давай просто поговорим. Я хочу знать все...

– Я не хочу больше слушать и разговаривать, пап. Не звони мне, ясно? Никогда. Больше. Мне не нужен «отец по телефону». Раз ты выбираешь страну и работу, то разговаривай со своими коллегами, а от меня отстань, – вложив в каждое слово немалую дозу агрессии, декларирует сын и резко отключается от сети.

Некоторое время, я просто пялюсь на темный экран с приложением связи, тяжело и рвано дыша. В конце концов, эмоции берут верх, и, зажав кулаки я падаю головой на стол, насильно ударяясь о деревянную поверхность.

Самонаказание, отчаянье, полнейшая безысходность.

Резко встаю, и до скрежета сжав челюсти, откидываю в сторону кресло на колесах. Стремительно покотившись к стене, оно ударяется о стену с диким щелчком, который слегка отрезвляет меня и останавливает от бешеного порыва сломать чертову плазму, с которой на меня ещё пару минут назад смотрели глаза Антея.

Не с восхищением, как когда-то. А с осуждением, что острее для отцовского сердца любого лезвия.

Когда дело касается сына, непоколебимый мафиози Киан Морте исчезает, полностью растворяется внутри меня. Непреодолимое желание пристрелить Энтони прямо сейчас, предвзвешенно вытряхнув из него координаты местоположения Антея достигает невыносимых пределов. Меня трясет, как в лихорадке.

Вместе с внутренним напряжением происходит простое осознание того, что, несмотря прокалывающую вены изнутри, я понимаю, что не променял бы эти чувства ни на что на свете.

Они напоминают мне кто я и какова моя цель, напоминают мне о том, что я человек. И отец в самую первую очередь. Если бы Антея не было, если бы он тогда не родился... для моей души уже бы не было спасения, выхода из порочного круга.

Но выход есть всегда, даже из самого темного и непроходимого тоннеля.

Если его озаряет хоть немного света.

Глава 2

Мия

После разговора в машине Алессандро передал меня в руки секьюрити. Надеюсь, это не войдет в традицию и по особняку, я, как и раньше, смогу передвигаться в одиночестве.

Мне дали десять минут на то, чтобы переодеться и принять душ. Что уже удивительно: думала, дядя лично встретит меня у главных ворот в дом, грубо схватит за шкуру и агрессивно «ткнет» меня носом в каждый нарушенный пункт из установленных им правил. Я была уверена в том, что Доменик приготовил для меня нудную, агрессивную лекцию и жестокое наказание, и была уже готова ко всему, исключив теплый прием и сентиментальные объятия.

Я думала, что на его давление и жесткость я теперь легко отвечу с агрессией и ненавистью, откровенно обвинив его во лжи и лицемерии, но все пошло совершенно не так, как я себе нарисовала в мыслях...

Ни одна девушка не может быть готова к тому, что произойдет со мной в кабинете...

Хотя возможно, Доменик настоял на душе, намекая на то, что не намерен терпеть мое присутствие в своей комнате, пока я не смою с себя грязные прикосновения семьи Морте. Кто знает, насколько все серьезно, когда дело касается вражды преступных кланов? Как я поняла из контекста, все семьи живут согласно кодексу, который наверняка может содержать весьма дикие пункты.

Я наспех приняла душ и собиралась надеть футболку и джинсы, но одна из моих новеньких служанок потребовала, что я облачилась в весьма откровенную сорочку с глубоким декольте. На мое возмущение, она лишь ответила, что выполняет приказ Доменика Ди Карло. На мгновение, я даже забыла, как дышать, потеряла дар речи... в итоге, все равно с неохотой напялила на себя эту тонкую тряпочку. Сверху накинула спортивный бомбер, почувствовав себя так более защищенной.

Джинсовку Киана предварительно сняла, спрятав её в самом надежном месте своей комнаты, в тайнике под полом.

Когда я иду по направлению к кабинету дяди, мой взгляд падает на левую ладонь. Нервно перебираю пальчиками, стараясь успокоиться. Кольцо, которым заарканил меня Киан, ослепляет своим блеском и только сейчас до меня доходит, что Доменику лучше не видеть этот яркий и вызывающий лишние вопросы, элемент.

Быстро прячу его во внутреннем кармане бомбера, ощущая странное томление и жжение в груди, когда снимаю платиновый обруч со сверкающим брильянтом.

Когда я делаю первый шаг за порог кабинета Доменика Ди Карло, мой пульс подскакивает до невообразимых высот. Каждый вдох превращается в пытку, словно я взбираюсь на вершину и уже достигла той высоты, где начинается нехилое кислородное голодание. Стараюсь контролировать свои эмоции, поднимая взор на Доменика, что уже вовсю буравит меня деспотичным взглядом янтарного цвета глаз.

Дядя долго смотрит на меня, а я на него. Это поединок, вечная борьба, и я проигрываю... каждый раз. Чувство того, что я многим ему обязана не позволяет мне перечить Доменику.

Странно, но я уже начала забывать, как он выглядит, и теперь разглядываю и воспринимаю его лицо, будто впервые. Оно вытянутой и продолговатой формы, как и нос, заостренный кончик которого визуальнo стремится к полу. Выглядит Доменик так, словно за последние

десять дней постарел на десять лет. Очевидно, в жизни опекуна происходит то, что доставляет ему дикий стресс, и я не уверена, что он связан только с тем, что Аннет до сих пор в больнице, а я все это время находилась в плену.

Наконец, мужчина в считанные секунды преодолевает расстояние, между нами, огибая рабочий стол уверенной походкой. Подходит чертовски близко ко мне, схватив за плечи. Теперь я могу разглядеть насколько глубже стали его морщинки, особенно два внушительных вертикальных «столба» между густыми бровями опекуна.

– Мия! Дочь моя, – порывисто обнимает меня, удушая в своих объятиях. Неожиданное приветствие, но мне почему-то тяжело обхватить Доменика с тем же «теплом» в ответ. Ещё бы, ведь я знаю о том, что он уже отвел мне роль «разменной монеты», которую можно насильно выдать замуж за человека, которого я в жизни не видела.

– Я так переживал, Амелия. Я поседел второй раз в жизни, – усмехается Доменик. – Вы с Аннет обе неприятно удивили меня в этом месяце... глубоко расстроили. Для отца нет периода хуже, чем время, проведенное вдали от своих драгоценных девочек, – допустим, в его голосе нет ни одной фальшивой ноты, и мое сердце предательски оттаивает.

– Доменик, прости, что сбежала в тот вечер. Надеюсь, ты понимаешь, почему я сделала это. Я занимаюсь вокалом столько лет... мне просто хотелось выступить, – начинаю сразу оправдываться, потому что... просто привыкла к такому общению с опекуном. Я всегда чувствую себя зависимой от него, обязанной ему за все и эти чувства питают наши токсичные отношения. Рядом с Домеником, я автоматически становлюсь загнанным в угол, безвольным котенком, который лишь изредка нерешительно пищит, пытаюсь достучаться до своего хозяина.

– Дядя, ты же знаешь, что я мечтаю о свободе, – сразу пытаюсь перейти к делу я, раз он не злится и даже не ругает меня. – Ты обещал, что начнешь отпускать меня в двадцать один год, а ведь до моего дня рождения совсем недолго осталось. Как бы там ни было, я не думала, что мой поход на маскарад закончится так фатально, – невнятно бормочу я, наблюдая за тем, как белки глаз Доменика мгновенно наливаются кровью.

В какой-то момент, мне кажется, что мужчина сейчас просто вдарит мне со всей дури и я отлечу к стенке – настолько у опекуна животрепещущий взгляд.

Мистер Ди Карло делает глубокий вдох и выдох, ослабляя хватку на моих предплечьях, что до этого была удушливо жесткой. В какой-то момент его ладони превращаются в кандалы, а я... опускаю взор, прекрасно понимая, что мне будет трудно начать высказывать этому мужчине все, что я действительно о нем думаю.

Не знаю, можно ли испытывать благодарность и ненависть к одному человеку одновременно, но я ощущаю по отношению к дяде нечто подобное.

– Я был так разочарован. И до глубины души расстроен, – неожиданно мягко, вновь произносит Доменик.

На самом деле, он ведет себя так, словно его подменили... и это кажется подозрительным, странным.

Кажется, будто на короткое время, Доменик посадил всех своих бесов и деспотические замашки на цепь, представив моему взору более сентиментальную и чувствительную часть своей личности.

– Если бы с тобой что-то случилось, я бы никогда себе этого не простил. Давай присядем, моя дорогая Амелия, – приобнимая, Доменик разворачивает меня к кожаному дивану и жестом приказывает расположиться удобнее. – Наталия не находила себе места. А Селена объявила забастовку... сказала, что не будет есть, пока я не верну тебя. Правда, у неё, разумеется, ничего не вышло, – я опускаюсь на мягкую поверхность, наблюдая за тем, как дядя садится в кресло, расположенное по диагонали от меня. Положив локти на кресло, он складывает пальцы рук в замок, и вновь просканировав меня стальным взглядом, задает вопрос:

– Ты расскажешь мне все, что с тобой произошло, Амелия? Где ты находилась? Эти ублюдки причиняли тебе боль? Может... – нервно задевает подбородок костяшками пальцев, Доменик. – Ты слышала что-то важное и тебе есть что рассказать? Как ты уже понимаешь, мы не совсем обычная семья, Амелия. Я знаю, ты злишься, что многое от твоих глаз было скрыто. Но теперь ты хотя бы знаешь, почему я так оберегал тебя все эти годы. Я не тиран, не деспот, Мия. Все, что я когда-либо делал и запрещал тебе – только во имя твоего блага. Для меня нет ничего важнее, чем моральное и физическое здоровье моей жены, и вас, моих девочек. Вы слишком малы, юны и чисты, чтобы углубляться в сугубо мужские дела, – твердым тоном выдает Доменик.

А может, вы мне все расскажите, дядя? Или отдадите меня в жены, вырвав однажды утром из собственной постели?

Я молчу, словно воды в рот набрала. Теряюсь. Все выглядит так логично теперь.

– Расскажи, что с тобой было, Мия.

– Меня держали взаперти в закрытом месте, – я решила быть краткой и лаконичной. Дяде удалось растопить мое сердце, но поскольку я знаю, что он собирается насильно выдать меня за какого-то Кинга, я ему совершенно не доверяю. – Потом увезли и передали Алессандро. Я бесконечно благодарна за то, что вновь дома, – нейтральным тоном отвечаю я, слегка придерживая висок указательным и средним пальцем. Включаю актрису, разыгрывая спектакль с явным подтекстом, что нехорошо себя чувствую и не готова строить длинные предложения, отвечающие на вопросы Доменика.

– Они ничего с тобой не сделали? – прищурив веки, уточняет Доменик. Я понимаю, что он имеет в виду. Его взгляд за мгновение красноречиво обводит все мое тело. Неприятно ощущать на себе подобный взор от опекуна, но допустим, это чистой воды беспокойство за дочь. Не так ли?

Нужно прекратить паранойю.

– Нет, – коротко киваю. – Доменик, но кое-что я, правда, слышала и теперь знаю. Знаю, что... бизнес, который вы ведете. Бизнес, который содержит этот огромный дом – опасный бизнес, – утвердительно заявляю я. – Для меня, для всех нас. Это правда? И... я знаю, про пять семей. Знаю про ваши войны и постоянные дебаты за рынок и территорию. Знаю, что все эти годы я жила во лжи с огромными розовыми очками на глазах.

– Бизнес – не женское дело, Амелия. Тебе никто не врал, – твердо озвучивает свою позицию дядя, напрочь убивая меня своим тоном. – От тебя просто скрывали некие опасные факты. Не переживай о моем бизнесе. О его незаконности и опасности слагают легенды и слухи, но истины в них нет.

– Правда? – сомневаясь, спрашиваю я.

– Правда, Мия. Но, как и в любом бизнесе, нам иногда приходится сталкиваться с большими трудностями. И сейчас, когда наши дела плохи, а брак Аннет и Дэниела был особой договоренностью между нашими семьями с семьей Кинг, и она сорвалась... ты ведь уже знаешь? Я все вижу по твоему лицу, Амели. Алессандро поставил тебя в известность? – очевидно, Доменик проверяет мою готовность к «политическому» браку.

– Да, – безжизненно бросаю я, опуская взгляд. Мурашки по телу от мысли, что Аннет и я, воспринимаемся как товар, на котором можно заключить семейные «договоренности». И не по себе от мысли, что такая святая вещь, как союз влюбленных, могла сорваться из-за того, что невеста оказалась в беде.

Неужели Кинг списал Аннет, как ненужный и сломанный товар, когда узнал, что девушка в больнице. Алессандро сказал, что сейчас её жизни уже ничего не угрожает. Но нужно время на восстановление.

– Мия, я понимаю, тебя перспектива выйти замуж не очень радует. Я и сам не планировал отдавать тебя в другую семью, но Дэниел Кинг отказался от брака с Аннет по некоторым весомым причинам...

– Его невеста оказалась в больнице, а он просто так берет и хочет выйти за другую? Я больше не маленькая дуручка, дядя. Я все понимаю. Этот брак – заключение союза, видимость перемирия семей за счет детей, так? Или что? Черт возьми, как будто мы живем в монархии... что за бред и средневековье? Как бы там ни было, я против. Я гражданка США и имею права, которые намерена защищать, дядя. При всем уважении к вам, но я не готова пойти на такой шаг, как брак с незнакомцем. Да и зачем я ему, этому Кингу? Аннет поправится, можно просто перенести свадьбу.

– В нашей договоренности, подробности которой тебя не касаются, – нагло и самоуверенно ставит мне шах и мат, Доменик. – *Было оговорено, что невеста Дэниела должна быть невинна.* Недавно выяснилось, что Аннет грешна по данному пункту. Но в тебе я уверен, Амелия. Хотя, конечно, после всего этого похищения... завтра придет врач, будь готова к осмотру, – сказать, что я ощутила, как пылают щеки, значит, ничего не сказать.

Нет ничего более унижительного и отвратительного, чем обсуждать такой интимный момент со своим опекуном, который мало того, что держал тебя взаперти шесть лет, так ещё и хочет «проверить качество товара» перед его продажей. Иначе я все это назвать не могу.

Губы предательски дрожат, я едва сдерживаю слезы и подавляю бурю эмоций, раскачивающих внутри сердце, словно свинцовый маятник.

– Зачем все это... за что? Доменик... – я не нахожу слов, не могу произнести их. Хотя хочется просто разорвать опекуна на части и высказать ему все, что я об этом думаю.

– Мия, раз теперь ты знаешь о мире нашей семьи, то тебе стоит знать, что этом мире женщины не спрашивают о причинах. Они повинуются и слушаются. Но для тебя здесь не должно быть ничего нового. Все шесть лет ты была послушной девочкой. К тому же, после замужества, ты перейдешь под опеку мужа, а это значит... что он даст тебе больше свободы. Для тебя это прекрасный расклад: достойный и обеспеченный супруг, новые эмоции, реализация себя, как матери и жены... Если тебя все же интересует причина, то она есть. Я, а точнее все мы находимся в трудном финансовом положении, Амелия. И его можно исправить только с помощью брака и слияния семейных капиталов и сил. Грядут тяжелые времена. Ты же не хочешь, лишить нас всего? Подумай о Селене, этот брак – крайняя мера, а не шутки. Мы можем оказаться на улице, хотя тебе это трудно представить, когда вокруг такая роскошь. Но это так. Не забывай, Мия, что все, что ты имеешь – это моя заслуга. Все, что я тебе дал – это огромная ценность, и вместо благодарности, ты проявляешь сейчас свое упрямство и не можешь заткнуть за пояс свою гордыню, несмотря на то, что этот брак по всем параметрам – отличный для тебя вариант.

– У меня осталось наследство, – протестую я, пытаюсь поспорить. – Разве не деньги родителей были вложены в меня и мое образование?

– Большую часть денег, твой отец заморозил до твоего совершеннолетия. Ты жила на жалкий процент с общего хранения средств.

– Но я же получу его, когда мне исполнится двадцать один? – задаю вопрос, который никогда не задавала прежде. Поймите меня правильно... когда теряешь родителей в четырнадцать лет, последнее, чего ты хочешь – это спрашивать у кого-либо, когда ты получишь их деньги. А так как в средствах я перестала нуждаться, когда начала жить с дядей, то этот вопрос отпал само собой.

Не знаю, как это назвать. Глупость или долгие годы отрицания их смерти? Жалею, что не разбиралась в этом вопросе раньше. А теперь не доверяю ни единому слову Доменика и все ставлю под сомнение.

– Доменик, я получу эти деньги, после дня рождения? Так? Я отдам тебе все. Все, что должна. Согласись, вариант идеальный? И не нужно никакого замужества.

– Амелия, не надо торговаться со мной. Мое решение окончательно и это не обсуждается. В таком формате я не приму деньги от женщины. Свадьба состоится через неделю, советую тебе подготовиться. Кстати, твое знакомство с Дэниелом произойдет с минуты на минуту... – Доменик бросает красноречивый взгляд на свои часы, связанные с телефоном.

– Я не собираюсь выходить замуж, дядя, – царапая диван, выдаю я, напрягаясь всем телом. – Можете меня убить, лишитесь наследства, что угодно! Но я теперь буду жить так, как хочу я.

– Тебе все равно на то, что случится с нашей семьей, со всеми нами? Ты неблагодарная девочка, моя дорогая Амелия. Послушай. Брак можно будет и разорвать в будущем. Мия, я прошу тебя. Пойти на это со здравым смыслом и открытым сердцем. Все будет хорошо, – на мгновение, мне кажется, что в глазах Доменика пляшут настоящие одержимые бесы. Он будто не отдает себе отчета в том, что несет полный бред. В здравом уме я никогда не соглашусь на рабство, на то, чтобы быть купурой, которую один дон, передает другому.

– Все это отвратительно. Хоть что-то в этой жизни интересует вас всех кроме денег? – вспыхиваю я, резко вставая с дивана. Что Энтони Морте, что Доменик – оба, кажется, пойдут на все, ради заветных шуршащих бумажек.

В момент, когда дядя собирается мне ответить, дверь в кабинет резко открывается. Мы одновременно поворачиваем голову в сторону характерного звука.

Первое, что я вижу – бесцветные глаза, заковывающие мои ноги в лед.

– Добрый вечер, сеньор Ди Карло, – губы вошедшего мужчины трогает легкая улыбка. В прозрачных глазах и ехидном взгляде есть что-то змеиное, неприятное и отталкивающее. Я догадываюсь, что в кабинет только что вошел Дэниел Кинг. У меня нет сомнений в том, что этот мужчина пользуется огромной любовью женщин: высокий, идеально и атлетически сложенный. Его точеное лицо, можно подумать – не результат природы, а продукт, вышедший из-под рук хорошего пластического хирурга. Такая внешность меня определенно отталкивает. Слишком идеальный, слишком рафинированный, слишком любит себя и это всеми фибрами души чувствуется.

Чрезмерное самолюбование, нарциссизм – все это для меня анти мужские качества, но уверена, что не для многих девушек, которые были бы рады видеть в муже такого красавца.

Мы все судим книгу по обложке. И Дэниела Кинга я бы оставила пылиться на полочке, несмотря на то, что он завернут в красивую «суперобложку» и имеет высокую цену.

– Сеньорита Ди Карло, – обращается Кинг ко мне, скользя по мне сальным, невербально облизывающим взглядом, от которого мне становится чертовски не по себе.

– Мия, это мистер Кинг. Он хочет посмотреть на тебя...

Это все действительно выглядит так, словно я какая-то шлюха, выставленная на показ в район «красных фонарей». Черт, да это так и есть...

Я захлебываюсь от возмущения. Меня трясет так, что приходится приложить немало усилий, чтобы не вылить на этих двух весь свой закипающий яд внутри.

– Посмотреть? Посмотреть, дядя?! – восклицаю я, не намереваясь терпеть более этот спектакль. – Я все сказала! Оставьте меня в покое, – я бросаюсь к выходу, несмотря на то, что дорога в коридор перекрыта самим Дэниелом Кингом. Мужчиной в сером пиджаке, на котором я бы не нашла ни одной пылинки даже с микроскопом.

Есть в нем что-то до ужаса мне неприятное. Взгляд извращенца, улыбка маньяка, на счету которого уже немало жертв.

– Тсс, стоять, детка, – обхватывает меня за плечи Кинг, пока я сотрясаюсь в истерике и за всем этим унижением, спокойно наблюдает мой опекун, и как я думала, родной человек. – Давай познакомимся поближе, – его голодный и сальный взгляд скользит по моим губам, шее... опускается ниже, загрязняя меня, делая дешевой и липкой. Желудок скручивает, разум отка-

зывается соглашаться на подобное к себе отношение. Сквозь призму протеста, пульсирующего сумасшедшим током в висках, я пытаюсь вырваться.

Но Кинг держит меня, и держит крепко. Стягивает с моих плеч бомбер, опуская взгляд на резко вздымающуюся от дыхания грудь. Это настолько мерзко, что мне кажется, будто по мне ползет не его взгляд, а дюжина зараженных тараканов.

Я не успеваю даже подумать, как прямо на глазах опекуна, Дэниел Кинг тянет свои огромные, противные лапы к моей груди. Явно хочет оценить размер перед «покупкой». Я слишком быстро понимаю, что такое унижение я не в силах выдержать и действую автоматически. Точечно бью ублоудка коленом в пах и лицо Дэниела Кинга, полное высокомерие и самообладание искажается гримасой боли. Готова поспорить, до этого дня ни одна девушка не готовила ему «яйца всмятку». Получай, сукин сын. Плевать, что мне за это будет...есть ли мне вообще, что терять?

Черт возьми, откуда во мне столько злости и ярости? Я не контролирую себя. Впервые в жизни, я отвечаю на удар, а не подставляю для него щеку.

– Я не собираюсь знакомиться! Отпустите меня! – твердо выплевываю я и вырываюсь из цепких лап Кинга. Расталкивая охрану, я выбегаю в коридор, услышав вслед:

– Пусть идет. Отпустите её. У девочки ещё шок, мистер Кинг и она нуждается в отдыхе, – дядя косит под доброго и святого. Но я больше не верю никому и ничему. И все делю на ноль, просто ускоряя шаг по направлению к своей комнате.

Глава 3

Амелия

С тяжелым сердцем я захожу в свою комнату. В голове полный хаос, словно из извилин в голове связали плотный комок. Сердце качает кровь по телу с невообразимой скоростью, заставляя меня вспомнить, насколько удушливо остро ощущается паническая атака.

Я совершенно не знаю, что мне делать.

Я запуталась и ощущаю себя крошечной пылинкой в гигантском мире, где ничего от меня не зависит.

– Амелия, образцы пригласительных и ваше платье, – словно сквозь вату, слышу вежливый голос горничной, что кивает в сторону моей гардеробной и туалетного столика. Даже не смотрю на услужливую и любезную женщину.

В этом нет никакого смысла, зрение будто затягивает мутной дымовой завесой.

– Варианты меню предоставлены, выберите, пожалуйста, ваши любимые блюда, которые хотите видеть на торжестве...

– Прошу, оставьте меня одну, – тихо приказываю я, и с удовлетворением закрываю за ней дверь.

Итак, дядя сказал о том, что у семьи проблемы с деньгами и мой брак с Кингом может их решить. Интересно, почему? Что-то из серии: я расплачиваюсь натурой, а банк Кингов выдает дяде бессрочный кредит?

Мерзость.

Я медленно подхожу к гардеробу, и целую минуту разглядываю красивое белое платье от Vera Wang. Мечта любой девочки, произведение искусства... сочетание нежной ткани и изящного кружева. Кажется, что лесные феи сшили его из воздушных нитей – настолько оно невесомое, женственное, уникальное.

Модель без бретелек будет красиво открывать мои плечи, демонстрируя окружающим ключицы, декольте и шею. Подол «русалка» от середины бедра сформирован в виде легкого шлейфа, а также в комплекте идет длинная фата из нескольких слоев тончайшей ткани.

Итого: я имею платье принцессы, которое мне всей душой хочется порвать на крошечные кусочки.

С истошным криком я сдергиваю его с вешалки и просто бросаю на пол, предварительно попытавшись смять в неаккуратный клубок. Далее направляюсь к туалетному столику, и чтобы хоть чуть-чуть успокоить расшатанные нервы кромсаю образцы пригласительных маникюрными ножницами с ледяным выражением лица.

Проделав этот ритуал ненависти, стараюсь не вспоминать взгляд Дэниела Кинга, что смотрел на меня, как на этикетку вина в магазине.

И дело не только в этом, не во взгляде и не в том, что он мне неприятен. То, что я совершенно не знаю Кинга – это уже весомая причина бежать от этого брака куда глаза глядят. И к тому же, они встречались с Аннет... мы со сводной сестрой придерживаемся тактики холодной войны и мне совершенно не хочется, чтобы этот статус наших отношений изменился.

Сев за свой ноутбук, я пытаюсь выпытать у Google всю правду о своем будущем муже. В официальной прессе и СМИ его репутация чиста, как белый лист. Даже тошно становится, насколько идеальным «Принцем Гарри» он выставлен в сети и интернет-газетах. Но едва ли его интересуют девственницы только потому, что Кинг брезглив, как закоренелый британец. Держу пари, что он извращенец со специфическими наклонностями.

Внезапный порыв ветра заставляет меня поежиться. На бледной коже острыми пиками проявляются мурашки, и я автоматически тянусь за джинсовой курткой Киана. Легкая вибрация заставляет меня напрячься и пошарить по карманам предмета одежды. Не в силах побороть удивление, достаю из внутреннего кармана смартфон, пытаюсь понять, случайно или специально Киан оставил мне телефон.

Так, стоп. Он оставил мне телефон...?!

С абсолютно другим каналом связи, отличным от того, что установлен во всем особняке Ди Карло, а значит и недоступные мне сайты теперь могут быть открыты.

Первое, что я делаю, это смотрю список кастингов, которые могла бы пройти, как вокалистка. Если мне когда-нибудь удастся сбежать от дяди, мне придется самой зарабатывать себе на жизнь и неплохо было бы подготовиться к этому периоду. Я давно составила свое резюме и даже подготовила видеозаписи для проб, и много раз отправляла их на адреса агентств, кастингов, студий, lounge-баров...но все было тщетно: я думаю письма с моей почты блокировались и просто не доходили до адресатов. С нового IP адреса я повторила попытку, особо ни на что не рассчитывая.

Вторым шагом я вновь заглянула в список информационных сайтов о Дэниеле Кинге. И опять он чист, словно ангел, спустившийся с небес.

Не верю. Его белоснежная репутация в сети буквально кричит о том, что её ежедневно подчищает команда профессионалов.

От поиска «грязных фактов о мистере Кинге» меня отвлекает вызов, который определяется на экране именем Киана...сердце пропускает удар. Закусывая губу, я переворачиваюсь на постели, прижимая телефон к животу. Недолго думая, я отвечаю на вызов.

– Да, – взволнованно выдыхаю в трубку, ощущая, как голос выдает меня с потрохами.

– Почему не приняла вызов с первого раза? – до одури мужественный голос действует на меня как мощный афродизиак, и я в очередной раз ненавижу себя за сладкую истому, наполняющую низ живота.

– Только что нашла телефон. Киан, зачем ты его оставил? Что задумал?

– Чтобы услышать твое «да» и забрать к себе, но уже навсегда, – требовательным тоном напоминает Киан. – Слышал, у меня появился конкурент?

Что...? Кажется, Мистер Морте уже в курсе всех последних событий.

– Откуда ты все знаешь?

– Мия, на тебе жучок, GPRS навигатор. Ты под моим круглосуточным наблюдением. Так сказать, территория помечена, оцеплена, и я не намерен делиться. Что ты скажешь мне теперь, после разговора со своим драгоценным дядей, которого ты так защищала? Карой которого ты так уверенно угрожала мне? – слегка усмехается Морте. Вопросы Киана спокойные, безэмоциональные, сухие и точечные. Словно без единого промаха бьет по целям в тире, играя на моих нервах.

Чувствую себя в кабинете психолога, что задает мне наводящие вопросы без осуждения и упреков, медленно копясь в моей голове и душе, виртуозно препарировав все нейронные связи.

– Я не знаю. Не знаю. Я никому уже не могу доверять. Хочу убежать далеко-далеко. Ото всех. И от тебя тоже...*от тебя в первую очередь, Киан*, – просто и честно признаюсь я, глядя в потолок, что «плывет» надо мной.

– Ты можешь доверять только мне, птичка. Бежать ещё рано. А вот для прыжка веры самое время, – и вновь его низкий тон обволакивает меня всю, с головы до ног, до кончиков пальцев.

– Я не могу, Морте. От тебя можно ожидать чего угодно. Признай, что твое предложение «руки и сердца» – лишь стратегический шаг в вашей игре «больших боссов», о которой я не имею понятия? – прищурил веки и прицелив тон, предполагаю я.

– А какие у тебя варианты? – игнорирует мою попытку быть проницательной, Киан. – Выйдешь за Кинга? Станешь шлюхой, принесенной в дар больному извращенцу в уплату долгов? – озвучивает мои худшие опасения он.

– А чем для меня лучше стать твоей, Киан?

– А моей шлюхой тебе быть уже понравилось, – парирует Морте, вызывая внутри волны возмущения и негодования. Но я совру, если скажу, что не ощутила горячий спазм между бедер, когда он произнес эти грязные слова.

Действительно. В чем-то он прав. Черт возьми, почему я не могу взять под контроль свои реакции, которые вызывает во мне Киан? Почему двое мужчин, одинаково привлекательных для большинства (если быть честной и откровенной) вызывают во мне противоположные чувства? Один – отвращение, презрение? А другой – страх вперемешку с желанием?

– Я сейчас же брошу трубку, если ты не прекратишь говорить такие вещи! – из недр души вырывается внутренняя капризная девочка. Киан вновь усмехается и я так и вижу, как он покровительственно вздергивает одну бровь.

– Ладно, хватит пустых разговоров, Мия, – переходит на крайне серьезный тон, Морте. – Сейчас, я вышлю тебе интересную информацию, где ты узнаешь довольно много о своем наследстве и о реальных причинах того, почему твой ненаглядный дядя, которого ты так обожествляешь, удочерил тебя. Думаю, много осознаешь о нем и о предстоящей свадьбе. После, я посвящу тебя в детали твоих дальнейших действий, – хладнокровно заявляет мужчина.

И это опять же наводит на определенные мысли... я не понимаю, зачем я так срочно всем понадобилась. Все мужчины вокруг будто сошли с ума и с цепи сорвались на меня, как на ароматную косточку.

Так не бывает, это слишком странно. Ну не могут семьи начать войну из-за меня. За всем этим стоит что-то... мощное, сильное, странное. Деньги? Для них всех, ответ всегда один.

– И что дальше, Киан? Ну похитишь ты меня, осуществишь то, чего требуешь. А дальше? Я буду жить в твоей ненормальной семье? Как на пороховой бочке, как на вулкане? Каждый день ждать того, что в любую секунду Энтони Морте может отдать приказ своему *верному псу* и он, как ни в чем не бывало, засунет пистолет мне в рот?

– А вот за эти слова ты ответишь, плохая девочка. Если бы ты была рядом, я бы заткнул твой грязный рот членом. И не достал бы его из твоего горла, пока ты бы не усвоила урок. *Верный пес* живет в твоём доме и его зовут «Алессандро», Мия. Надеюсь, ты поняла меня, – я заливаюсь краской, когда выслушиваю угрозу Киана и на мгновение представляю картину того, чтобы он со мной сделал. Черт. Мне действительно не стоило говорить такие слова. Не сомневаюсь, что если бы не расстояние, Киан бы уже осуществил свою угрозу, а подобного унижения я не вынесу.

– Ты поняла меня? – повышает тон голос, когда я молчу, словно язык проглотила.

– Да, – выдыхаю тихо, сгорая от желания сбросить вызов.

– Поехали дальше. Думаю, после предоставленной мной информации, ты поймешь, почему Доменик хочет отдать тебя в руки Кингам, – моя кожа мгновенно покрывается инеем от его слов.

Он не рассуждает, не предлагает мне варианты. Киан Морте ставит меня перед фактом, требуя безгранично доверять ему и не слушать никого, кроме него. Делать так, как говорит он. А значит, манипулирует мной точно также, как и все остальные мужчины в моем окружении.

И не этого я хочу...но ещё больше я не хочу оказаться наедине с Дэниелом Кингом и сказать ему «да» перед сотнями людей.

– Ничего не понимаю... информацию? Реальные причины моего усыновления... – я нахожусь в полнейшей растерянности.

– Хватит мямлить и задавать глупые вопросы, Мия, – только сейчас понимаю, что Киан явно не в духе. – Ты мне доверяешь?

– Конечно нет!

– А придется, – бросает коротко, словно совершает точечный выстрел.

Попадает в мою броню, раскалывает её в очередной раз.

Пора признать, что без него мне не справиться. И если уж выбирать из двух дерьмовых раскладов, я выберу наименее дерьмовый, где Киан спасет меня от «продажи» Дэниелу Кингу, а дальше... я найду способ вырваться на волю и от самого мистера Морте.

То, что происходит потом, когда я получаю информацию от Киана, действительно переворачивает мой мир с ног на голову в очередной раз. Киан скидывает мне весьма интересный файл о некоторых неоспоримых фактах, касаемо удочерения.

Сердце в груди сжимает ледяным спазмом. Я не в силах поверить во все, что читаю, но знаю и чувствую, что в этом есть доля правды. По щекам беспощадным водопадом соленой воды текут слезы, и я жалобно всхлипывая, вытираю их, пытаюсь перестать «ныть», как выразился Киан.

Я бегала перед своим дядей на задних лапках все эти годы. Я верила ему, даже когда мои плечи судорожно сжимались под его пристальным взором и ужасающим тоном голоса. А теперь... теперь я окончательно и бесповоротно осознала, что «пропустила» шесть лет своей жизни, выкинув их в никуда.

Я отправляю Киану Морте лишь одно сообщение со словами «я согласна». Примерно в то же время мне приходит ответ от одного кастинг директора. Не ожидала, что это произойдет настолько быстро.

Невероятно.

Это так удивительно – общаться по нормальному каналу связи и получать ответы, приглашения на пробы, связываться с другими людьми из большого и внешнего мира.

Однако в письме оказывается совсем не то, чего я ожидаю. Далеко не предложение посетить кастинг...

От кого: Кастинг директор компании «New York Broadway»

Сообщение:

Добрый вечер, Амелия Эванс! (да, он написал фамилию моего отца, а не опекуна, что уже привело к плотному комку в горле)

Я знаю, что мое письмо покажется тебе невероятным, а обращение и предложение – сомнительным. И все же, пишу тебе в надежде на то, что ты обязательно прочтешь его до конца и сделаешь свои выводы.

Меня зовут Трой Кларк, и я являюсь старым другом твоего настоящего отца, Джеймса Эванса. Мы много лет работали вместе, и я даже бывал у вас в гостях. Но перейдем к сути, Мия.

На то, чтобы выйти с тобой на связь, у меня ушли годы, поэтому прошу не игнорировать мое сообщения, Амелия.

Все, чего я хочу – оказать тебе помощь. Не знаю, в курсе ли ты, но твой опекун, Доменик Ди Карло последние шесть лет скрывал твои права и наследство в полном размере, как и правду о «гибели» твоих родителей.

По моим данным, Мелодия и Джеймс Эванс могут быть живы, но по определенным причинам не имеют возможности выйти на связь с нами. Да, даже с родной дочерью.

Амелия, рассказывать больше по почте я не стану, буду ждать твоего ответа. Канал связи надежно скрыт и защищен, и все же, рисковать не хочется.

От тебя мне необходимо полное доверие и готовность к побегу за границу, где Доменико Ди Карло не сможет быстро нагнать нас.

Я прошу тебя держать со мной связь только через эту почту и сразу удалять мои письма после прочтения, иначе тот, кто дал тебе этот телефон, может узнать много лишнего, кто бы он ни был.

PS: Мия, никому нельзя доверять, помни об этом. Но чтобы ты доверяла мне и удостоверялась в том, что я действительно знал твоих родителей и не раз слышал, как Мелодия поет тебе эту песню...

Одного взгляда на восемь строчек в конце сообщения мне хватило, чтобы понять, что там процитирована колыбельная моей мамы.

Если бы я сейчас стояла, то мир бы попытался выйти из-под моих ног.

Уже второй человек за сегодня присылает мне информацию о том, что Доменик Ди Карло беспощадно обманывал меня шесть лет. А мои родители... трудно поверить в то, что они могут быть живы. И я слишком долго верила в эту возможность, чтобы поверить в неё снова и разбить свое сердце о скалы суровой реальности.

Сердце переходит на бег, по венам течет счастье, любовь и надежда... пока эти теплые чувства не перекрывает блоки из страхов, опасений и полнейшего недоверия ко всем этим людям, которые свалились на меня подобно цунами.

Им что-то нужно от меня?

Да вот только что?

Что же такого там завещал мне папа? Миллиарды? Триллионы? Лекарство от смерти?

Что же, черт возьми?!

Глава 4

Киан

Всегда ненавидел Бронкс. Этот район, местами больше напоминающий мусорный полигон слишком сильно напоминает мне о первых месяцах, проведенных в «семье».

Именно здесь были первые инициации, тестовые задания, и испытания, которым подвергаются все претенденты и солдаты *cosa nostra*.

Ночью здесь творится то, за что утром никому не стыдно.

Сейчас мне уже давно не нужно убивать своими руками. Нажимать на спусковой крючок, глядя в последние секунды жертв Энтони Морте и неугодных клану личностей.

Я делал это много раз...

Видел десятки пар глаз, полных мольбы, отчаянья и несбывшихся надежд.

Я всегда моргал во время выстрела или отводил взгляд в сторону, когда приходилось лишать жизни.

Ночами, когда внутренние демоны завывали и клацали зубами у остатков моего сердца, я засыпал в ледяном поту, не в силах избавиться от образов своей жертвы, чья не упокоенная душа, терзала меня до тех пор, пока я не попадал в царство Морфея.

Вот и сейчас, в окружении верных солдат и Дэймоса с Фобосом, которых мы иногда берем с собой для воздействия на подопытного и допрашиваемого, я смотрю в зеленые глаза среднестатистического мужчины, который сегодня не окажется дома и не заснет с пивом и чипсами за просмотром матча Likers против Knicks.

И я никто, чтобы вершить чью-то судьбу... но в маске палача, которую я всегда надеваю на подобные встречи, мне не составит труда убить этого мужчину.

С легкостью и без единой разрушительной эмоции внутри.

Я не хочу этого, но так нужно. Он обречен. И факт того, что он владеет грязным бизнесом – борделем, где работают похищенные девушки из Восточной Европы, никак не очищает наш внутренний моральный компас.

– Даю тебе слово ещё раз, Страйк, – обращаюсь к Джонатану, замечая, что глубокие тени под его глазами растут со скоростью распространяющихся кругов на воде. Белки его глаз налиты кровью, хотя... скорее всего его лицо сейчас представляет собой сплошную открытую рану, где уже все труднее разглядеть боль. – В каких экспедициях ты сопровождал Джеймса Эванса? Любые озвученные подробности о работе в его команде могут сделать твою смерть не слишком мучительной и сократить пытки, – вкрадчивым тоном бросаю угрозу я.

– Этот человек был гением, и если его труды когда-нибудь попадут в ваши грязные руки... экспедиции? – фыркает Джонатан, сплевывая кровь себе под ноги. – Джеймс объездил половину мира в поисках «Цветка». Экспедиций было слишком много, чтобы успеть назвать все до тех пор, пока вы убьете меня.

– Называй, мы найдем время. Ты что-нибудь знаешь об итоговом препарате? – конечно, этот ублюдок знает. Когда-то он работал на Джеймса Эванса. До того, как занялся легким, грязным и прибыльным бизнесом.

– Знаю, конечно, знаю, – хорохорюсь из последних сил, выдает Джонатан, гордо вытягивая шею. – Но я все равно уже труп, поэтому ни хрена я вам не скажу. Делайте со мной, что хотите. Я намерен молчать до последней капли крове, Морте. Я не выдам секреты Джеймса Эванса. Ничего вы с меня не поимеете.

– Уверен? – правильно рассчитав расстояние, направляю ствол прямо в грудную клетку гордеца, прочно привязанного к стулу. Мы находимся в заброшенном отеле, который пере-

стали строить два года назад, и звук выстрелов на данной территории – обычное дело. – Хочешь умирать два часа, медленно задыхаясь и истекая кровью? Мы можем это устроить. Адрес лаборатории Эванса поможет сократить твои мучения до считанных мгновений.

– Твои угрозы на меня не подействуют, Морте. Скажу лишь одно: Джеймс все завещал своей дочери, – в истеричном смехе заходится Джонатан. – После его смерти, я и сам хотел к ней подобраться. Но адрес был изменен, а все разработки хорошо спрятаны. Ты никогда не найдешь это место без неё, без обладания её активами. Но ты уже это знаешь, не так ли? – прищурился веки, кидает больной взгляд на меня смертник. – А теперь давай, убей меня! Я смертельно болен. Заразила одна из моих шлюх, точнее... я сам виноват, что поимел её без резинки. В общем, я больше ни хрена не скажу вам, Морте. Лишь одно: поиски и жажда обладания «Цветком бессмертия» уничтожат тебя, ублюдок. Подведут к такому краю, что ты начнешь сам умолять о смерти... – шипя и покашливая, угрожающе предсказывает Обреченный. – «Цветок» сможет найти лишь тот, у кого чистые намерения... помни о моих словах, Морте. Все остальные будут прокляты.

– Это, пожалуй, все, – обращаясь к солдатам, бросаю сквозь зубы. Подаю знак рукой, заставляя одного из них поднять пушку. – Посчитать до пяти. Затем убрать. Без мучений, – я проявляю милость, несмотря на то, что все, что сказал бывший сотрудник команды отца Амелии – больше похоже на бред сумасшедшего.

Я оборачиваюсь спиной к жертве и даже не вздрагиваю, когда слышу за спиной точечный выстрел.

* * *

Десять минут спустя мы с Риком сидим в машине и курим, глядя на то, как мелкий, промозглый дождь накапывает по стеклу.

– Что дальше, Киан?

– У меня все под контролем.

– То есть ты заключишь с ней брак в тайне от дона? И не для того, чтобы спасти, верно? Да уж, попалась девчонка. Даже жалко её, – поражает меня своим милосердием Рик.

– Деньги, информация – все это принадлежит ей. Я знаю, как получить это без особого труда. Энтони со Стефаном ведет отдельную игру, я уверен в этом. Буду разбираться по ходу дела.

– Правда убьет её. Эту невинную девушку. Ты точно не влюблен в неё? И не хочешь одним действием убить несколько «фигур» сразу?

– Влюблен? Рик, прекрати нести чушь, – снова огрызаюсь я, едва не подавившись дымом. – Я не хочу убивать молодую и невинную девушку. Вот и всё. Это не мои правила, так гласит омерта.

– Да, это верно, – устало соглашается Рик, выбрасывая сигарету и трогаясь с места. – Но возможно, Энтони нужна её смерть, иначе он не стал бы рисковать, устроив для тебя тот тест на преданность в лофте. Кто знает, что в голове у старого дона.

В это же время, я опускаю взгляд на часы, где вижу короткое сообщение от Мии Эванс, в котором я вижу всего лишь два слова:

«Я согласна».

Что ж, теперь она почти официально моя.

Моя свобода и цель все ближе, как и сладкая, неискушенная Мия Ди Карло.

И самое интересное только начинается.

Теперь ты в моей клетке, птичка.

Мое настроение за последние дни сильно изменилось, как и внутреннее состояние. После разговора с Антеем я снова не вижу ничего кроме конкретной задачи и цели, и готов пойти на любые жертвы на пути к ней.

И если раньше, я мог сравнить свою ярость и ненависть со спящим вулканом, переполненным магмой, то теперь – с гейзером кислоты, которая способна одним своим присутствием щипать и разъедать поверхность кожи.

Куда бы я не пошел, чтобы я не делал, моя темная сторона будет бежать вперед, источать уничтожающие пары и медленно расщеплять на атомы всех в радиусе десяти километров.

Но я сделаю, наше опасное приключение максимально приятным, bella... не сомневайся.

Ты насладишься каждым мгновением боли, красоты, внутренних противоречий, эйфории, агонии, сладости, прежде чем извержение моей скопившейся в эпицентре души ярости коснется тебя.

Глава 5

Амелия

На время, я решила полностью абстрагироваться от происходящего в моей жизни безумия. Когда я чувствовала себя выжатой, опустошенной, энергетически пустой и слабой, я всегда проводила время с Селеной. Её детская непосредственность, безусловная любовь к миру и мечтательный взгляд – все, что мне было нужно, чтобы собраться с мыслями, подзарядиться и поверить в лучшее.

Я не хотела думать о своей предстоящей свадьбе с Дэниелом Кингом.

Или с Кианом Морте.

О побеге, который предлагает мне Трой Кларк.

О страшных вещах, что мне открылись...

О том, что я, каким-то образом оказалась важной деталью в сложном уравнении, которое семь решают прямо сейчас, ведя игру, которая неподвластна моей «детской» логике.

Или о том, что путей к отступлению у меня мало и из двух дерьмовых раскладов событий, придется выбирать наименее дерьмовый.

В очередной из следующих туманных вечеров в особняке Ди Карло, ноги сами приводят меня в комнату к младшей сестре. В который раз. Стоит лишь увидеть радостную улыбку беззаботной девочки, как я тут же забываю внушающий ужас голос дяди и мерзкий образ своего будущего жениха, о котором постепенно всплывают все более нелицеприятные факты.

– Золушка была не только хороша собой, но и добра: она простила их от всего сердца. Придворные подхватили Золушку и повезли во дворец. В тот же день сыграли свадьбу – принц женился на Золушке, – комнату Селены озаряет два больших ночника, оформленных в дизайнерском стиле луны и солнца. Я заканчиваю читать сестре сказку о её любимой принцессе и прижимаю Селену к себе, целую в макушку. Она пахнет конфетами и детскими шампунем для волос. Её любовь наполняет мое сердце до краев, каждый раз, когда Селена рядом.

– Неужели уже конец? – медленно зевая, интересуется Сел, поднимая на меня большие глаза. Округлые, глубокие и синего цвета – удивительная редкость для семьи Ди Карло. Наталия, жена Доменика и мать Селены собрала в себе кровь и ДНК нескольких народов мира, поэтому девочка действительно с самого рождения, обладала инопланетной, экзотической красотой, что соответствовала её «лунному» имени.

– Да, цветочек. Пора спать.

– Не хочу, чтобы ты уходила. Остайся со мной, – хныкает Селена, доверительно прижимаясь ко мне. Расплываюсь в искренней улыбке, ощущая, как наливается теплом сердечная мышца, прочно заледеневшая в последнее время.

– Теперь я здесь, я вернулась. Завтра с утра ходим с тобой к пруду, покормим уток, – обещаю я, поглаживая Селену по волосам, заплетенным в слабые косички.

– Только не уходи больше так надолго, сестренка. Пока тебя не было рядом, я спала с ней, – Селена достает из-под подушки шкатулку, которую мне дарила родная мама. – Она лежала на твоём туалетном столике, и я взяла, чтобы частичка тебя была рядом. Прости, – виновато улыбается Ангел.

– Ты сделала все правильно, – успокаиваю её я, радуясь, что Селена забрала её к себе. Шкатулку я оставила на туалетном столике, а прислуге не всегда стоит доверять. Я накрываю Селену одеялом, пересаживаюсь на край кровати и начиная тихо, едва слышно, пою колыбельную, которой меня часто убаюкивала Мелодия.

В сердце океана-а-а,

*На другой земле-е-е,
Где закаты – пламя-я-я,
И ответ в горе-е-е...*

*Там задашь вопросы-ы-ы,
И найдешь себя-я-я...
Краешек свободы-ы-ы,
Создан для тебя-я-я...*

– Ты так красиво поешь, Мия, – сонно шепчет Селена, закрывая веки. Невольно люблюсь её пушистыми и черными ресницами, как у куколки. – Спокойной ночи.

– Доброй ночи, – в последний раз провожу ладонью по плечу младшей сестры и убедившись в том, что её дыхание стало ровным и размеренным, встаю, направляясь к выходу из детской.

Стоит мне сделать пару шагов к двери, как происходит то, что напрочь вырывает меня из умиротворенного и благостного состояния, воцарившегося в душе, после минут, проведенных с сестрой. Сначала я слышу странный и резкий щелчок, а затем и звук распадающегося на осколки ночника. Резко обернувшись, находясь в абсолютно шоковом состоянии, вижу в большом окне дыру от пули, которая всем своим видом напоминает кратер вулкана. Трещины вокруг отверстия расходятся и бегут в разные стороны...

По спине течет ледяной пот, язык немеет и прилипает к небу. В груди становится так тесно, что я с трудом нахожу в себе силы собраться, вспомнить о дыхании и рвануть к севшей на кровати Селене. Дрожащими руками, я хватаю рыдающую от страха сестру и тяну её вниз, на пол.

– Под кровать, Сел. Быстро, – она успевает спрятаться, когда я вздрагиваю от очередного щелчка, который оставляет после себя «кратер» в окне с противоположной стороны комнаты.

Падаю на колени и быстро забираюсь под кровать, прижимая к себе сестру. Зажмурив глаза, мы готовимся к самому худшему. Тяжело дышим и молчим, не в силах даже кричать и звать о помощи, да и бесполезно. Если враги сумели проникнуть на территорию Ди Карло или нашли точку, с которой могут обстрелять спальню Селены – дела плохи, и нам никто не поможет. Ужас сковывает каждую мышцу лица и тела, звук ещё одного оглушительного выстрела заставляет меня болезненно дрогнуть вместе с крохой в объятиях.

В это мгновение, в самом центре моей душе рождается настоящее цунами из ненависти, которую я испытываю к всем, кто причастен к покушению на жизнь маленькой девочки.

Или на мою жизнь?

Я не знаю, сколько проходит времени, пока мы содрогаемся вместе и тяжело дыша, проживаем в суеверном страхе целую жизнь. Жмемся друг к другу, как новорожденные и слепые котята, забившиеся в угол коробки.

И несмотря на то, что больше звука выстрелов не слышно, я все равно нахожусь на грани нервного срыва, стоит лишь представить, всего на секунду... что пуля могла попасть в Селену. Элементарно, она могла встать ночью выпить воды или в туалет.

И её хрупкая, только начавшаяся жизнь оборвалась бы. Из-за меня.

– Малышка, хватит. Все будет хорошо, – шепчу я, прижимая Селену к себе и стараюсь успокоить, одновременно позволяя вдоволь поплакать. Нельзя держать все в себе, иначе сердце разорвется или наоборот – очерствеет.

Наконец, в комнату кто-то врывается, и сначала я напрягаюсь всем телом, накрывая собой Селену. Расслабляюсь, как только слышу голос брата:

– Селена! Селена! Мия! Вы можете выходить. Опасность миновала, – объявляет Алессандро. Мы с Селеной медленно выползаем из импровизированного убежища, и кроха тут же бежит обнимать брата, ища в мужских и крепких объятиях защиты. – Вы в порядке?

Мы с Алессандро наспех переглядываемся, и я расцениваю его взгляд, как фразу: «нам нужно поговорить, но позже» и коротко киваю.

– Пойдем, Селена, мы отвеем тебя к маме.

– Сандро, что это было? Треск, шум, какой-то жуткий щелчок! Мой любимый ночник разбился... и я так испугалась за сестру, – вновь перебегает ко мне Селена, обнимая меня за бедро. Я с опаской поглядываю в сторону окна с многозначительной дырой в стекле, и с нетерпением жду объяснений Алессандро.

После того, как мы отводим Селену спать и оба наперебой убеждаем её в том, что все увиденное – лишь её кошмар, остаемся одни в безлюдном коридоре особняка Ди Карло.

Моя свадьба послезавтра. Честно говоря...смерть и выпущенная сегодня в меня пуля не так сильно пугает меня, как предстоящее торжество.

– Не волнуйся. Утром она и не вспомнит об инциденте, стекло будет заменено, а нянечка убедит её в том, что ей все просто приснилось, – поясняет Алессандро, кидая на меня тяжелый взгляд.

– Алессандро, что это было? Откуда? Кто стрелял? Кто посмел выстрелить в комнату Селены? Когда этот кошмар закончится?! Я не могу так больше... – хватаясь за волосы, отчаянно всхлипываю я. Сандро притягивает меня к себе и заключает в объятия.

– Мия, мы поймали того человека, который стрелял. Он был жутко напуган, но он был один – поэтому ему чудом удалось попасть на охраняемую территорию резиденции. С этой секунды мы укрепляем границы, Мия...

– Но кто это был? На меня все время нападут...к Селене приходит теперь просто опасно, – кусаю губы, пытаюсь отогнать тревожные мысли.

– Селену, Наталия хочет отправить в Майами, к своей матери. На некоторое время. Возможно, сама тоже уедет. Здесь действительно небезопасно находиться сейчас, но больше удивляет то, что сталкер стрелял именно в комнату Селены, словно знал, в какой части огромного особняка ты находишься! Мия, этот ублюдок Морте тебе ничего не дарил? – Сандро обхватывает мое лицо ладонями, заставляя заглянуть в его осуждающие глаза. – На тебе радар, который ты постоянно носишь с собой? – пытается меня брат, и я едва нахожу в себе силы для лжи, и с идеально артистичным выражением лица, отрицательно качаю головой.

Кольцо, подаренное Кианом, которое сейчас находится в заднем кармане моих брюк вспыхивает огнем. Ощущение такое, словно на пою пятую точку прямо сейчас летят искры, и я просто сгораю от стыда и ужаса, за то, что моя глупость могла привести к фатальному исходу событий.

– Мия, подумай хорошо. Это не шутки. И немедленно избавься от этой вещицы, пока близкие тебе люди не пострадали.

– Но с чего ты взял, что это был кто-то из семьи Морте?

– Новенький солдат Морте был так напуган, что мы его поймали и признался, на кого он работает. Мия, я не хочу этого признавать...но кажется, в семье Кингов ты действительно будешь находиться в большей безопасности, чем здесь. На данный момент они сильнее, а в нашей семье разрастается внутренний конфликт, из-за которого вся броня трещит по швам... свадьба с Дэниелом Кингом – это выход из сложной ситуации. Повторю, моя дорогая девочка, если бы я только мог, я бы остановил это издевательство над свободой твоего выбора и воли... – меня передергивает от слов Сандро, что без конца наглаживает мое лицо своими грубыми

ладонями. Не могу поверить в то, что именно этот человек ещё недавно был очень против моей свадьбы.

И не понимаю... почему Морте в меня стреляли, как посмел допустить это Киан? Ведь, очевидно, что именно подаренное им кольцо, подсветило мое местоположение для киллера из вражеского клана.

– Можешь не продолжать, Сандро. Я все понимаю. Я уже смирилась со своей участью, – мягко киваю я, убирая ладони Алессандро от своего лица. – Не нужно за мной идти, – слабым голосом прошу у брата, делая шаг вперед по длинному коридору.

Внезапно все встает на свои места, а ответ, какой вариант развития дальнейших событий приходит сам собой.

Как только я оказываюсь в своей спальне, я смываю кольцо Киана Морте с драгоценными бриллиантами в унитаз, и пишу письмо Трою Кларку.

Без лишних эмоций, без запоздалой истерики.

Внутри меня разрастается огромная черная бездна, которая отнимает у меня все силы и эмоции... и честно, я даже не думаю о том, как отреагирует Киан, на изменение моего решения. Не хочу разбираться и знать, причастен ли он к очередному покушению на меня. Трудно отследить логику в каждом событии, закружившем меня в своем неумолимом водовороте... но я не буду следовать плану Киана, который он рассчитал для меня до мелочей.

Он никто для меня, просто Призрак. И сейчас, когда я не видела его уже несколько дней, и затуманенный страстью разум, наконец, проясняется...

Я понимаю, насколько неправильными и разрушительными были искры, что пробежали, между нами.

Глава 6

– Твой мир будет лучше, если я не вернусь.

– Это правда. Но без тебя это будет уже не мой мир...

Сплетница (Gossip Girl)

Амелия

Господи, не могу поверить в то, что решилась на этот сумасбродный и смертельно опасный поступок. Я сижу на заднем сидении черного Range Rover и молюсь о том, чтобы мою пропажу не обнаружили слишком рано. Я должна...нет, я просто обязана сбежать достаточно далеко!

Вся моя жизнь превратилась в игру со смертью, и я, черт возьми, отчаянно мечтаю о Тихой Гавани, хотя бы о часе полнейшего спокойствия и ощущении себя в безопасности.

Совсем недавно я думала, что заточение в семье Морте, мое похищение – это ад, но я так ошиблась.

Последняя неделя, проведенная в «семье», которую я считала родной, под надзором дяди – вот где настоящее пекло. Черт возьми, как я могла быть такой слепой?

Моя жизнь все эти годы была долбаным «ларцом Пандоры». (*предмет из древнегреческого мифа о *Пандоре*, заключающий в себе бедствия, несчастья и надежду)

И сделав первые шаги на маскараде, когда вышла на сцену с Майклом, я открыла этот черный ящик, откуда скопом повалились истинные факты о моей жизни, о моих родителях, о моей кровной причастности к преступному и теневому миру.

Теперь я частично знаю правду, которую забыла или не хотела вспоминать. Не так-то просто возвращаться в день аварии и собирать все, что случилось после по крупицам. Это тяжело, но я должна это сделать, чтобы обрести долгожданную свободу и возможно, даже вернуть близких мне людей...

Звучит невероятно, и я до сих пор не верю в то, что узнала. Но надежда в душе слишком сильна и сладка, чтобы проигнорировать её.

Теперь я знаю, что мотивы моего удочерения Домеником Ди Карло были совсем не чисто-сердечными и альтруистичными. И теперь я вспомнила, что смерть родителей и авария, в которую мы действительно попали все вместе, нанесла мне страшную травму.

Это называется психогенная амнезия. Потеря памяти под влиянием психотравмирующих событий, когда какие-то факты могут стираться, воспоминания подменяются размытыми или иллюзорными, вымышленными. У моей потери связи между прошедшими и настоящими событиями, оказывается есть название. Впрочем, это довольно распространенное явление для нерасформированной психики, которой пришлось потерпеть серьезную травму.

В четырнадцать лет никто не готов стать сиротой. И возможно, я ей не стала.

В моих воспоминаниях всегда существовала лишь одна призрачная и размытая картинка: я просыпаюсь в крошечной палате с ломотой и болью во всех конечностях и каждой клеточке тела. Приходит несколько медсестер, спрашивают меня о самочувствии, и со скованными масками сожаления на лицах, сообщают о смерти мамы и папы. Пытаются расспросить у меня о наличии других родственников, но я утопаю в истерике, с которой справляется лишь львиная доза успокоительного.

Это были жуткие, туманные и темные дни после аварии. Они сказали, что я пролежала без сознания неделю и тела мамы и папы уже кремировали, и я не могу попрощаться с ними – лишь посетить могилы Мелодии и Джеймса Эванс.

Когда я впервые сидела на сырой траве, рядом с каменными плитами, на которых были выгравированы их имена, я не замечала окружающего мира из-за пелены слез, что плотным слоем закрыла меня от реальности.

Но на самом деле, я не чувствовала, что мои родители погибли.

Я не видела их мертвыми, в моей памяти они остались живыми и счастливыми. Казалось, что они просто куда-то уехали, исчезли, пропали без вести... улетели покорять открытый космос, например, *лет на триста*. Что угодно, только не погибли.

И мне предстоит узнать правду, что с ними случилось. И все тайны моего отца, за которыми объявлена «гонка на выживание» среди пяти семей, несравнимая по своей опасности даже с ареной «голодных игр».

А сейчас я бегу с собственной свадьбы. *Не о таком торжестве я мечтала всю жизнь*. Мой будущий муж, что в прессе именуется, как завидный холостяк, на самом деле является извращенцем с неприятными для меня наклонностями. Дэниел Кинг, мать его.

Я видела фото его жертв-любовниц, и уже этого мне было достаточно, чтобы понять, что я не готова к такому браку.

Даже Киан Морте на его фоне кажется подарком Бога, несмотря на то, что последний – жестокий убийца и за эту неделю я лично убедилась в этом. Об этом позже.

Слишком тяжело сейчас, слишком сдают нервы. Тело пробивает мелкая дрожь, корсет свадебного платья неприятно сдавливает грудь, непослушные пальцы то и дело скользят по кромке фаты в хаотичном танце.

Сердце разрывается в клочья, фантомы страха со страшной скоростью делятся в моей крови и заражают весь организм.

«Вы должны подумать о себе, Амелия Эванс. Я помогу сбежать вам. Это ваш шанс на нормальную жизнь», – успокаивающей мантрой в голосе звучит голос агента Троя Кларка. *Он связался со мной несколько дней назад, и благодаря телефону Киана, что он оставил мне в своей джинсовой куртке, я получила доступ к безопасному каналу связи, неконтролируемый Домеником*.

– Умоляю вас, можно ехать чуть-чуть быстрее, – стараясь сохранять вежливый тон, умоляю я, обращаясь к водителю, которого нанял для спасительной операции агент Кларк.

– Я не могу нарушать правила, мисс...

– Вот, держите. Они очень дорогие, – снимаю с себя серьги Van Cleef, что стоят около десяти тысяч долларов и протягиваю их водителю. Мужчина берет «чаевые» без лишних вопросов и начинает хотя бы пытаться лавировать между рядами. Мы продвигаемся вперед по Verrazzano-Narrows Bridge, в соответствии с планом моего побега, но отстаем от графика на несколько минут.

Делаю глубокий вдох и выдох, крепче сжимая в ладони подаренную мамой музыкальную шкатулку. Когда-то у меня был ключ к ней. Он открывал её, и мамина колыбельная, озаряла все пространство вокруг, наполняя меня её теплом и любовью.

*В сердце океана-а-а,
На другой земле-е-е.
Где закаты – пламя-я-я,
И ответ в горе-е-е...*

*Там задашь вопросы-ы-ы,
И найдешь себя-я-я-я...
Краешек свободы-ы-ы,
Создан для тебя-я-я-я...*

Это все слова, которые я помню. Мама пела мне эту колыбельную, когда я была совсем крохой. Тогда я была слишком мала, чтобы удосужиться расспросить её о том, сама ли она сочинила эту песенку и о каком краешке свободы идет речь. Должно быть, это нечто абстрактное, неуловимое, прекрасное. Некая маленькая и волшебная страна, наверное, олицетворяющая детство.

С серьгами, подаренными Домеником, я рассталась очень легко, а вот подарки родителей для меня являются святыми реликвиями, которые я не продам, даже если жизнь заставит голодать. *А учитывая то, что я бегу в неизвестность, то не исключаю и самых худших вариантов.*

Руки начинают вибрировать так сильно, что я прячу шкатулку в небольшую сумку через плечо, чтобы не выронить её из качающейся из стороны в сторону машины. Сердце грохочет в груди, явно пытаюсь проломить ребра. Мне хочется поскорее избавиться от свадебного платья с довольно тесным корсетом и длинным шлейфом, но в момент побега я не успела даже переодеться, как планировала.

В голове безликим калейдоскопом мелькают сотни лиц, которые я впервые видела на этом жутком торжестве.

Гости, которых я знать не знаю.

Жених, которого знать не хочу. Какой-то безжалостный цирк, а не жизнь нормальной девушки.

Я даже видела своего будущего жениха, Дэниела Кинга. Его репутация рассказывает о нём, за него слишком красноречиво, чтобы испытывать к нему что-либо, кроме неприязни.

На мгновение, я вспоминаю предложение Киана.

«— Тебе придется иметь со мной общие дела, Амелия Ди Карло. С этой секунды ты — моя. Или ты будешь принадлежать мне по закону. Или ты будешь принадлежать земле», — вкрадчивым низким баритоном пробирают до мурашек его слова.

Ты ошибся, Киан. Я намерена принадлежать самой себе.

После того, что я о нем узнала, я в очередной раз наложила табу на какие-либо чувства по отношению к этому страшному человеку. Он не многим лучше Дэниела Кинга и остальных мужчин, принадлежащих мафии.

Я вдруг начинаю чувствовать нечто странное и замечать, что водитель начинает слишком агрессивно и нервно вести авто, что должно доставить меня в безопасное место, откуда я покину страну через океан. Нутром овладевает нехорошее предчувствие, жуткая неизбежность закатывает моральное спокойствие в снежный ком. Кожа немеет, словно каждую пору на теле пронзила острая ледяная игла, парализующая скорость реакции и здравомыслие.

Я резко оборачиваюсь назад, и сердце пропускает удара три, не меньше.

Нервно сглатываю, замечая, что за нами гонится тонированная тачка, и в эту секунду я понимаю, что мой идеальный план с Троем Кларком вот-вот провалится.

— Нас преследуют, мисс, — озвучивает очевидную вещь водитель.

Я уже не сомневаюсь в том, что Доменик и Дэниел обнаружили мою пропажу. Глупо было рассчитывать на то, что мне удастся сбежать с собственной свадьбы. Неужели я, правда, в это поверила?

Слезы непрерывным водопадом катятся по щекам, пока я пытаюсь смириться с приговором, который мне будет вынесен, если они нас догонят.

А они догонят.

Хочется просто открыть дурацкую дверь авто и прыгнуть с моста – так будет хоть какой-то шанс на спасение от людей, которые хотят вернуть меня назад, наколоть на булавку и вновь дергать меня за ниточки.

Достаю телефон и дрожащими пальцами с трудом набираю сообщение Трою Кларку:

«Если я не приеду к назначенному времени, значит меня больше нет. Спасибо, что пытались помочь мне, мистер Кларк. Я не знаю вас лично, не знаю, почему доверилась вам. Наверное, потому что решила, что вы появились в моей жизни не просто так... Если вы когда-нибудь найдете моих маму и папу, передайте им, что я их очень любила...».

Сообщение отправлено.

Глава 7

Киан

Мне никогда не понять, почему я выбрал девушку, у которой напрочь отсутствует чувство самосохранения.

Иногда, мне кажется, что у Мии в голове – сахарная вата вместо мозгов и нейронных связей.

*Без обид моя птичка, но это так. С логикой ты бл*дь совсем не дружишь.*

Конечно наивность Амелии, периодическую глупость, импульсивность, инфантильность, реализацию необдуманных поступков – все это я списываю на возраст и её не способность разбираться в людях и обстоятельствах, которые окружают Мию. Но какие бы «скидки» я ей не давал, эти черты характера, свойственные несформировавшейся личности меня жутко раздражают.

Все-таки девять лет – приличная разница в возрасте, и пока я чувствую себя долбаным папочкой, и честно говоря, находиться в такой позиции крайне антисексуально.

Мне нужна настоящая женщина, а не глупый ребенок.

Покорная, признающая мою силу нимфа, при этом не беспрекословно потакающая всем моим прихотям.

А Мия это какой-то трудный подросток в период бунтарства.

Пока она ведет себя как недальновидная гусеница, завернутая в кокон своих страхов, ложных убеждений и полного недоверия ко мне.

Я несколько раз спас ей жизнь, а она продолжает глупить, делая абсолютно все в противовес моим планам, и видит перед собой только чудовище, которое хочет её уничтожить.

С одной стороны, это правильно, на бегство у неё определенно есть причины. Но с другой... что мы хотим видеть, то и получаем.

Какую сторону ты хочешь увидеть во мне Мия Ди Карло? Такую я и явлю тебе.

Но сначала догоню маленькую, непослушную крошку, что без конца напрашивается на хорошую порку.

Сейчас, когда я мчусь за машиной, не без помощи которой Амелия по-английски смоглась со своей идеальной, но фальшивой свадьбы, между делом пытаюсь разглядеть специально измазанные в грязи номера. Моя нога утопает в районе педали газа, я двигаюсь космически быстро, подстегиваемый образами того, как перекину Мию через свои колени, поддену большими пальцами ненужную полоску ткани, и резко спустив её ниже по бедрам, хорошенько отшлепаю глупую и наивную сучку.

Поясницу и пах простреливает болезненно-приятная боль, когда я слышу её воображаемый стон, отвечающий мне безусловным «да» на самые грязные действия с её аппетитным, созданным для совместного и низменного грехопадения, телом.

Черт. Она дала мне слово!

Дала обещание, написала проклятое «я согласна» и все эти дни следовала моему плану, играя в послушную и молчаливую куклу, и для чего все? Для того чтобы в самый последний момент она взяла его и разрушила, решив заняться самодеятельностью?

Согласно моему плану, Амелия должна была сбежать до начала венчания – во время исповедования патеру Грину (*священник в католицизме).

Было чертовски трудно продумать все до таких мелочей. Украсть Амелию так, чтобы её пропажу обнаружили далеко не сразу, выиграть для нас минимум полчаса времени.

А что сделала Мия? Слила мой скрупулёзный труд и кучу денег, которые я вложил в каждого купленного соучастника операции.

Пришлось даже заменить конфессионал (* будка для исповедования) местной церкви на двухсторонний: для того, чтобы создать у охраны Ди Карло иллюзию, что заходит туда и выходит из тесной коробки тоже Амелия. Это было настолько гениальной идеей, но весьма затратной по времени и силам, сложной в реализации. Пришлось изрядно попотеть для того, чтобы найти девушку с похожей комплекцией и ростом, а ещё сложнее – приобрести нечто похожее на эксклюзивное свадебное платье Амелии от знаменитого дизайнера, что, разумеется, было представлено в бутике в единственном экземпляре.

Спасло все задуманное лишь одно: фата с длинным шлейфом, которая должна была быть на Амелии на протяжении всей церемонии, пока этот рафинированный петух Дэниел Кинг не приоткрыл бы её лицо, стоя у алтаря.

В общем, я вложил уйму сил и труда в побег Амелии, но она этого не оценила.

Интеллектуального, физического, финансового.

И если что и способно вывести меня из себя, довести до ярости и агонизирующих вибраций во всем теле – так это то, когда мои вложения не ценят.

Хотя начиналось все хорошо. Мия следовала разработке «от» и «до» и без проблем попала в «руки» моего человека, который должен был провести её безопасным путем с вырубленной охраной семьи Ди Карло до моего автомобиля.

Казалось бы, в проработанной тактике не было ни одного места для осечки. Но только не когда Амелия Ди Карло берет инициативу в свои руки и творит сумасбродные вещи.

К тому, что мне приходится догонять Мию на мосту, на высоких скоростях, объезжая всех в безумном ритме и шахматном порядке привел ряд незапланированных действий со стороны девчонки Ди Карло.

Девушка умудрилась перекрыть моему соратре (*брат, друг, соратник) дыхание хлороформом и побежала совершенно в другую сторону, где её уже ждал грязный и непримечательный Lexus. Даже знать не хочу, какой идиот ей его дал, убил бы.

Естественно, солдат Морте не ожидал такого поворота событий, подобной ловкости и прыткости от невинной девушки, поэтому не успел среагировать на её действие, отключившись на несколько секунд. Этого оказалось достаточно, чтобы потерять Мию из виду. Конечно, это не оправдание и согласно кодексу, соратре будет наказан, но все мои мысли уже заняты осмелевшей паразиткой.

То, что сделала Мия – категоричное и фатальное табу.

Ненавижу эмоционально вкладываться в то, что потом выгорает, причем по глупости.

Не говоря уже о том, что Амелия подвергает себя огромному риску... я не знаю, что у нее в голове, но у меня в груди леденеет от плохого предчувствия.

Внезапное, головокружительное дежа вю отбрасывает меня на шесть лет назад, в день смерти Ванессы. Спазм сдавливает всю диафрагму, перекрывает дыхание, когда я вновь и вновь наблюдаю душераздирающую картину: машина, в которой едет Ванесса взрывается прямо на трассе, мгновенно превращаясь в обугленное месиво. Словно закинутое в камин полено, автомобиль объяло черным дымом и рыжеватокрасным пламенем.

Меня не было рядом. Я был занят делами Энтони, как и всегда.

Видео произошедшего убийства жены я смотрел уже в участке, когда раз за разом пересматривал запись с дорожных камер. Ванесса поехала в Чикаго, к подруге, и это невинное путешествие стало для неё роковым.

Должно быть, в тот день мое сердце достали из груди и облили его водопадом крови.
Снова.

Я чувствовал себя разбитым, убитым, уничтоженным. Словно в той машине, сгорел я. Это сейчас я вспоминаю о том дне с непробиваемым покер-фейсом и непоколебимым спокойствием, потому что давно смирился с утратой. Несс я не верну, как бы не хотел... а вот Антея я вернуть просто обязан.

В крошечном аду, и поисках виновника «несчастливого случая» (следователи настаивали на неисправности двигателя в автомобиле), я нашел лишь одно утешение: Антей не поехал в тот день с мамой и остался жив.

Иначе как *«судьбой»* это не назовешь.

Я столько раз ловил себя на мысли, что это я виноват: не уберег её, не спас. А обрек на такую ужасную, скоропостижную смерть, и более того, не так часто делал её счастливой, когда Ванесса была жива. Она была моей *«тихой гаванью»*, она отдала всю себя мне, подарила мне сына... а я убил её.

Долгое время, я был уверен в том, что смерть Ванессы – дело рук Энтони. Однако никаких доказательств, кроме того факта, что незадолго до её гибели, он периодически выражал свое недовольство тем, что я уделяю жене слишком много времени, нет. Дон недолюбливал мою супругу, для него Ванесса являлась лишь «заводом» по производству наследников с хорошими генами.

Подложить взрывчатку в машину Несс мог кто угодно – как Стефан Морте, так и другие члены клана и даже кланов. Возможно, люди политических лидеров, с которыми в то время приходилось иметь дело и устанавливать договоренности жестким образом лично.

Мгновенно возвращаюсь в настоящий момент.

Мысли о прошлом никак не помогут избежать повторения ситуации.

Я не знаю, кому принадлежит этот долбаный Lexus, но, судя по всему, Мия доверилась очередному ублюдку, который жаждет её смерти. Мотивы убийства могут быть и у дальних родственников Джеймса или Мелодии Эванс, которые в борьбе за наследство ученого не поспеют на использование самых грязных методов.

Но об этом я подумаю потом, когда допрошу эту глупую девчонку в безопасном месте.

Лавирую между машинами на мосту, ведущему к Нью-Джерси, нарушая все чертовы правила и дорожный этикет. Jaguar рычит, как настоящий зверь и подобному ему двигается, разгоняясь до сумасшедшей для города скорости, стоит лишь слегка утопить ногу в педали газа. Мой разум и взор затуманены дымкой, адреналин бурлит и закипает в каждой напряженной мышце. Руки руле расслаблены, но челюсти плотно сжаты, от полной сосредоточенности на процессе погони и выслеживания ускользающего от меня Lexus.

В очередной раз, ругая про себя глупую крошку, я и иду на нарушение правил, собираясь подрезать его опасным способом на выезде с моста. Я знаю, что остаются считанные минуты до того, как полиция «проснется» и выедет на подозрительное движение.

Амелия

Как только на экране смартфона всплывает фраза «сообщение отправлено», чувствую резкое торможение автомобиля. Меня мощно тянет вперед. Если бы не ремень безопасности, мой нос бы сейчас превратился вмятку.

Скрип тормозов морозит до костей и мурашек и сразу после него, я ощущаю глухой удар о бетонный фонарный столб.

Меня спасает лишь чудо, ремень, и сила в руках.

Непроизвольный визг царапает горло.

Руки хаотично дрожат, норовя уронить телефон.

У меня нет никаких сомнений в том, что наш план с треском провалился и за мной уже выехала огромная волчья стая моего дяди и несостоявшегося мужа-садиста.

– Что происходит? Скажите же что-нибудь! Почему вы остановились? – сбивчивым тоном лепечу я, обращаясь к водителю. До боли в пальцах сжимаю бока впереди стоящего кресла. Соучастник моего побега, кажется, и сам ни жив, ни мертв, поэтому ответа ждать бесполезно. Он явно случайный человек, не намеренный меня защищать в случае чего.

Господи, кому я доверилась? Но был ли у меня выбор?

Все лучше, чем вновь отдаться в управление «темной лошадке» Киану Морте.

Этот лицемер делает вид, что хочет спасти меня, а потом обстреливает спальню Селены.

Не знаю почему, но двойственность его образа и характера пугает меня куда больше, чем неприкрытая и откровенная тьма в душе Дэниела Кинга или моего корыстного дяди, который все это время, как оказалось, растил меня словно свинью на убой, не иначе.

Интенсивно дергаю дверную ручку, но не удивительно, что дверь заблокирована. И только в момент, когда я тянусь к водительской двери, чтобы попытаться сбежать, я вижу жуткую картину: мужчина действительно в отключке, его лоб рассечен ударом об руль, а из раны сочится густая, багряная кровь.

Первая реакция – ледяной ужас, вторая – нужно немедленно оказать бедолаге первую помощь, но это, разумеется, невозможно без подручных средств и антисептиков. Черт!

Все происходит слишком быстро. До замка я так и не добираюсь, потому что догнавший нашу машину мужчина уже настигает меня. Я снова кричу, как только переднее боковое стекло со стороны водителя разбивается вдребезги, и инстинктивно закрываю лицо руками, уберегая себя от мелких и крупных осколков. Чья-то большая ладонь проникает внутрь авто и нажимает на замок разблокировки.

У меня не остается сомнений в том, что я опоздала.

Сердце стучит внутри, как оголтелое, душа не верит в реальность происходящего. Я думала, что через пару часов уже буду пересекать Американскую границу, а тут... провал по всем пунктам.

Не проходит и дести секунд, как дверь с моей стороны открывается. Я пытаюсь рвануть в противоположную, но неизвестный хватает меня за подол платья и тянет на себя с такой звериной силой, что у меня нет никаких шансов спастись от неизбежного. В следующую секунду, убудок обхватывает мое запястье, и я с полу-вдоха определяю знакомый аромат, исходящий от мужчины, преследовавшего нас.

– Что ты тут делаешь? Киан, я видеть тебя не хочу, после того, что ты сделал! Неужели ты рассчитывал на то, что я действительно сбегаю с тобой? – не без истерии в голосе, восклицаю я, не в силах поверить, что это Киан Морте.

Я не ожидала, что он догонит меня первым. Мне казалось, что он будет наблюдать на расстоянии и ждать меня в месте, куда меня должен привезти человек, которого я вырубил с помощью разведенных эфиров.

Никогда не думала, что медицинское образование пригодится мне для столь грязного дела. Но у меня не составило большого труда покопаться в нашей аптечке и найти все необходимое.

Я даже не знаю, радоваться мне или плакать... судя по выражению лица Морте – плакать.

Плакать и бежать, но и бежать – бесполезно.

Каждый раз я удивляюсь тому, как способны меняться черты его лица в зависимости от состояния. Губы Киана приоткрыты в хищном оскале, веки сжаты в яростном прищуре. Он похож на дракона, проснувшегося от долгой спячки, который собирается спалить меня всего за одно извержение пламени...нет сомнений, мне конец. Не нужно быть прорицательницей, чтобы осознать, насколько в плачевной ситуации я нахожусь.

Со всех сторон, куда не посмотри, черт подери!

– И не нужно на меня так смотреть, ты знаешь, почему я сбежала! Почему ослушалась! – не замечаю, как мгновенно начинаю перед ним оправдываться.

Утробный рык Киана не заглушает даже звук города и сигнализирующих авто, проезжающих мимо полосы, в которой мы застряли.

– Нет времени на разговоры, глупая scellino! – рывкает Киан. – Идем, – тянет на себя, крепко сжимая запястье.

Когда я вновь встречаюсь своим взглядом с его, все внутри меня предательски сжимается от страха. Не хочу даже представлять, что он сделает со мной, когда мы останемся наедине. Убьет, конечно, но судя по выражению лица и импульсивности движений сначала изнасилует, как ему будет угодно.

– Я никуда не пойду с тобой, – оказываю упрямое сопротивление, когда Киан вытаскивает меня из машины. Я знаю, что это глупо. Мне больше некуда идти, разве что с моста прыгнуть. Потому что, как только Кинг обнаружит мой побег, он явно сочтет это за оскорбление и обыщет каждый квадратный метр штата, в надежде найти меня и подвергнуть такому же унижению, равному моему побегу со свадьбы.

– Пойдешь. Я сказал, – в голосе Киана вибрирует ледяной металл.

– Нет! – пытаюсь вырваться, когда Киан берет в плотный захват меня возле машины. – Сейчас приедет полиция! Господи, Киан, я просто хотела сбежать от всех вас!

– Идиотка, заткнись. Я научу тебя слушаться, неблагодарная puttana, – я не успеваю и слова произнести, как Киан обхватывает мои скулы большим и указательным пальцем, прижимает мои бедра к своим.

Я плотно сжимаю губы, но это не мешает ему раскрыть мой рот и ворваться вглубь языком.

Жестко. Неистово. Требовательно. Проклиная. Обещающее...

Заявляя, что скоро мне будет совсем не сладко в его объятиях. Показывая, какого на самом деле отношения я заслужила, нарушив свое согласие и нашу договоренность.

Я свернула с дороги, которую он протоптал для меня в этих диких джунглях под названием «моя жизнь», и он явно не намерен оставлять мой проступок без наказания.

Киан проталкивает свой язык глубже, встречаясь с моим, сплетается с ним в языческом и голодном танце, еще грубее овладевает моим ртом.

Отнимает дыхание, властным движением собственника сжимает ягодицы. Сминает их в ладонях, пробуждая в низу моего живота горячую спираль, усиливающее свое приятное, томное вращение.

Поцелуй длится не более десяти секунд, но этого времени достаточно, чтобы слиться с ним, вновь ощутить его силу, что неумолимо забирается под кожу.

Так сладко, так больно. Невыносимо.

Дикий поцелуй затыкает меня окончательно, превращая ноги в вату. Теперь Морте без труда может взять меня на руки, что и делает. Преодолев короткое расстояние, Киан закидывает меня на заднее кресло своей тачки, и блокируя быстро трогается с места. Я уже слышу полицейскую сирену, и прислушиваюсь к звуку вертолетных лопастей.

Как только мы трогаемся вперед, и отъезжаем на тридцать метров вперед, нас вдруг подбрасывает прямо в машине. На ровном месте, словно дорога на мгновение исчезает из-под ног. Странный звук, напоминающий пушечный выстрел заставляет содрогнуться.

Мгновенно покрываюсь испариной, всерьез подумав о том, что в Нью-Йорке намечается землетрясение или внезапный торнадо. Обычно о таких вещах предупреждают заранее, но вдруг специалисты просчитались с прогнозами?

Я резко оборачиваюсь назад, глядя в заднее стекло, замечая, что дорогу перед нами обволакивает смогом, что берется из ниоткуда.

По крайней мере, я так думала... до тех пор, пока не увидела место, в котором только что находилась. И если бы не Киан, могла бы находиться сейчас. Машина, где я сидела, превратилась в черный столб дыма и первые секунды я просто не верю, в то, что мои глаза видят это... непроизвольно прикрываю рот ладонью, подавляя в груди сдавленный крик.

О Боже... в машине была взрывчатка?

За последнее время я так часто находилась на волоске от смерти, что уже почти не удивляюсь... хотя, нет, лгу: я просто в шоке. В ужасе. Парализована мыслью о том, что сталкеры повсюду и все жаждут моей смерти. Очевидно, из-за разработок отца?

Господи, нет. Есть ли хотя бы один квадратный метр земли, где я могу чувствовать себя в безопасности? Есть ли хоть один человек, которому я могу доверять?

Судорожно сглатываю, на мгновение представляя, во что сейчас превратился едва живой водитель. И во что могла превратиться я... в обуглившуюся тушку, в горсть пепла. Прямо сейчас я могла бы быть мертва.

Ужас в форме игольчатых мурашек пронизывает меня от корней волос до пальцев на ногах. Удушливый, непобедимый, проникающий в каждую клеточку тела. Я цепенею на несколько секунд, не ощущая своего тела...

– Ну что ты теперь скажешь? Хочешь, чтобы я оставил тебя в покое? Да? Может выкинуть тебя прямо сейчас? – с пренебрежительным сарказмом интересуется Киан, окончательно добывая меня. Его голос хриплый, рваный, низкий. Он в ярости и сейчас мне лучше просто помолчать, иначе снова нарвусь на такие «комплименты», как «идиотка» и «puttana».

Задыхаясь от усталости и немного бессилия, я глухо рыдаю, нервно сжимая подол своего платья. Закрываю лицо ладонями, ощущая, насколько солеными стали губы и кожа рук... насквозь пропитанными болью, безысходностью и отчаянием.

Лабиринты разума превращаются в настоящий Сайлент-Хилл – ни одной ясной мысли, из-за густых клубов тумана, затянувшего лобные доли.

Я вымотана, высосана, измотана. Окончательно и бесповоротно.

Откидываясь на спинку удобного кресла, я расслабляюсь, закрывая глаза, до сих пор ощущая, как жжет веки. Погружаясь в измененное состояние сознания, я, наконец, и правда слышу звук вращающихся вертолетных лопастей. Кажется, я засыпаю и взлетаю куда-то высоко, высоко... где никто и никогда меня не достанет.

Глава 8

Амелия

Я просыпаюсь от утреннего воркования птиц.

Они поют громко и интенсивно, словно нараспев спорят между собой, перетирая свои птичьи заботы.

Немного размявшись в кровати, сажусь на постели, ощущая, насколько неприятно находиться в тесном и пыльном платье. Vera Wang бы упала в обморок, если бы увидела, во что превратился подол её роскошного и уникального в своем роде, изделия.

Очнувшись, с трудом собравшись с мыслями, оглядываю пространство на триста шестьдесят градусов вокруг себя.

В груди вдруг приятно щекочет.

Непроизвольно и неожиданно. Я бы сказала: неуместно, после всего случившегося.

Меня будто выкинуло за эту ночь из ужасающего триллера в рекламный ролик шоколада «баунти».

Все окружающее меня похоже на то самое *«райское наслаждение»*.

Взгляд радуется, созерцая нечто совершенно новое для меня, а легкие с каждым вдохом становятся более чистыми и наполненными кислородом до краев, потому что в них поступает странный для Нью-Йорка, солоноватый воздух... а ведь я с детства не была у открытого океана. Спокойная гладь залива на территории особняка Ди Карло – это совсем другое. Последние годы я лишь читала описание океанского бриза в книгах, но интуитивно узнаю его сейчас, вспоминаю его и ароматы детства.

Должно быть, подобное место я видела в своих счастливых снах...

И именно в них, я бежала босыми ногами по «массажному» для стоп, песку и чувствовала вибрации воды, мощь и силу приливных волн.

Полной грудью вдыхала тот самый воздух, смешанный с атомами и парами соли, свободы и скоротечности, яркости «настоящего» момента.

Вдыхаю и сейчас, не в силах поверить, что я больше не в Нью-Йорке... небо над большим городом никогда не бывает таким чистым и ясным.

Кажется, будто в самом воздухе этого места содержатся капли природного наркотика... настолько мне приятно и сладко вдыхать его.

Чистая, неподдельная эйфория. Словно в банку с дегтем, где я тону, наконец-то полили капелькой меда.

Пару раз моргнув, ещё раз оглядываю обстановку. В глаза бросается типичный для Киана Морте минимализм во всем и страсть к панорамным окнам во всю стену. Слегка прищурившись, будто не веря своим глазам, понимаю, что окно на самом деле является дверью, ведущей на белоснежную террасу с голубым бассейном.

Опускаю ноги на прохладную плитку, и наспех умывшись в ванной, где пахнет чистыми полотенцами и цветочным освежителем воздуха, пробираюсь на площадку перед виллой, пытаюсь понять, что произошло и где я нахожусь.

Неужели я все ещё в США?

Слишком теплый и приятный климат, слишком красивый рассвет, окрашивающий беспечное небо розовато-голубыми мазками.

Всевышний явно не поспешил на оттенки малинового цвета сегодня и не прогадал, разбавив их светло-фиолетовыми.

Сетчатку глаза покалывает от яркости нижнего слоя неба лазурного цвета, сливающегося в один цвет с океаном в природном градиенте из синеватых красок.

Я так понимаю, отель или вилла, где мы находимся, располагается на краю небольшого обрыва. Повернув голову вправо, замечаю вертолетную площадку и летающий аппарат, на котором наверняка и прибыла сюда.

Все еще ничего до конца не понимая, смотрю перед собой, фокусируя взгляд на Киана Морте, что стоит спиной ко мне возле бассейна.

Невольно делаю пару шагов назад. Инстинктивно, опасаясь его, не в силах выносить близости с этим мужчиной. Меня каждый раз, будто током пронзает.

Вид его обнаженного тела вызывает во мне защитную реакцию – бегство, внутреннюю зажатость. Спазм плечевых мышц.

Едва ли белое полотенце, обернутое вокруг узких бедер мужчины, можно считать одеждой.

Огромной неожиданностью становится для меня количество татуировок, не скрывающих рельефные мышцы Киана.

Он не двигается и застыл, словно изваяние.

Будто статуя греческого Бога, которую я могла бы обнаружить где-нибудь на улочке в Италии.

Я внимательно разглядываю черные линии и узоры на его теле. Если его татуировщица была девушкой, то она без всяких сомнений была влюблена в Киана. Он был её холстом и вдохновением, и это чувствуется при одном взгляде на спину Морте.

Мне с трудом удастся разглядеть два крылатых существа, навечно выбитых на бронзовой коже Киана. Или это одно существо с очень разными крыльями, раскинувшимися вдоль его рук? Мне кажется, это нечто похожее одновременно на орла и дракона, сливающихся воедино. У них одно тело, но две абсолютно противоположные друг другу стороны.

Что ж, символично, учитывая его характер.

Выглядит завораживающе и пугающе.

Когда он слышит мои шаги, мгновенно реагирует: все его мышцы сокращаются, становясь ещё более очерченными. Я смотрю на него снизу вверх, оценивая широту плеч и их непринужденную расправленность.

Киан возвышается над бассейном, как непоколебимый утес, на котором расположена наша вилла, над океаном.

Мой взгляд сам плывет вниз, огибая взором трапециевидные мышцы, поясничное углубление и доходит до ямочек над накаченным задом. Если Бог любви и секса существует, то он только что спустился с неба.

Должно быть.

Черт. Неужели я так откровенно пялюсь на него уже пару минут?

Как я могу вообще стоять тут и разглядывать его так детально, когда по моей жизни черти бегут?! На минуточку...я вчера, чуть не взорвалась в машине, а сегодня пялюсь на ягодицы Киана Морте.

Очевидно, вальс гормонов и банальные инстинкты никто не отменял...пора завязывать.

– Киан. Где мы, черт подери? – включаю снисходительный тон королевы, но получатся скорее истеричная принцесса.

– Тебе не нравится вид? – спокойным и ровным голосом с хриловатыми нотками, спрашивает Киан. Странно. Его отрешенность напрягает меня больше, чем импульсивность.

– Выглядит пейзаж так, словно я вчера умерла и попала в рай, – честно признаюсь я, при этом скрещивая руки на груди. Пытаюсь скептически посмотреть на красоты вокруг, но не получается.

Дух захватывает, мурашки по телу. Предательские и незванные.

Здесь действительно потрясающе красиво.

И кажется, будто мы совсем одни на краю земли.

Вокруг нас – только природа во всем её богатстве и изобилии.

Внезапно, Киан поворачивается ко мне лицом. Мой взгляд проходит испытание его торсом и напряженным прессом. Стараюсь смотреть исключительно ему в глаза, но это довольно сложно. Совершенно случайно, мой взор падает на вздыбленное полотенце в районе паха, и я заливаюсь пылающей краской.

– Тебе не стоит так смущаться, *ucellino*. Как ни крути, у нас фактически начинается медовый месяц. Сама церемония пройдет завтра: довольно быстро, без лишних телодвижений с нашей стороны. Разумеется, без гостей. Только ты и я, Милли. В этом мире на ближайшие пять дней – никого нет. Так что, предлагаю тебе просто расслабиться и получать удовольствие, – мрачно ухмыляется Киан и кивает в сторону корзинки с сочными фруктами и свежавыжатым апельсиновым соком.

У меня даже ноздри раздуваются от возмущения. И его потемневшего, брошенного исподлобья взгляда, от которого у меня поджилки трясутся. И все же нахожу в себе смелость вновь поспорить с ним. У меня такое впечатление, что поле долгих лет невнятного лепетания в присутствии дяди, я изначально стараюсь показать Киану, что меня нельзя втоптывать в грязь.

Но не знаю, как это сделать правильно... и выходит то, что выходит.

– Ты издеваешься? Расслабиться? После всего, что произошло? – я вновь сжимаю ткань своего платья, ткань которого действует на меня как «антистресс».

– Да, *bella*. Просто доверься и откройся тому, что с тобой происходит, – на удивление равнодушным тоном заявляет Киан.

А ведь я предполагала, что он будет рвать и метать, когда мы останемся наедине. Клацать зубами возле мочки моего уха. Хотя все в его взоре, кричит мне о том, что хищник находится в стадии подготовки к прыжку и очень скоро схлопнет жертву своими когтистыми лапами.

– Вся моя жизнь оказалась ложью. Я до сих пор не могу принять этот факт. А когда я задумала сбежать от всего этого, то попала на сплошную полосу препятствий! На пути, я узнала, что мои родители не погибли в той аварии, а дядя удочерил меня только для того, чтобы потом «продать» подороже. Словно вклад в банке открыл. Продолжим. Я едва ли не погибла на глазах у шестилетнего ребенка. Тоже приятного мало. А вчера, например, почти взорвалась в машине, класс. Киан, меня постоянно хотят убить. И ты в том числе. Я же вижу, что-то происходит. Я должна понять, что всем от меня нужно и остановить это, – Киан в ответ на мою тираду лишь медленно и лениво вздергивает бровь.

Поднимает руку и подманивает меня к себе указательным пальцем. Не знаю почему, но мои ноги сами несут меня вперед. Словно его взгляд вводит меня в легкий транс и вот я уже совсем рядом, за пределами близко к Мorte.

Ощущаю жар, волнами исходящий от его тела, снисходящий на меня водопадом первородной мужской энергетики. Попадая в его поле, всегда становишься слабее, женственнее и чувственнее.

Меняешься на клеточном уровне, словно вода, меняющая свои свойства от природных условий.

– Самое время просто расслабиться, – вкрадчиво произносит Киан. Его сильные руки ложатся на мои предплечья, сдавливают их.

Нервно и тяжело выдыхаю, находясь под воздействием взора обсидиановых глаз. На мгновение... мне кажется, что Киан хочет меня поцеловать. Также пылко и умопомрачительно яростно, как вчера, возле моста.

Но вместо этого, он кидает меня в бассейн, и я не успеваю даже воспротивиться этому и понять, какого черта происходит. Просто чувствую, как ровно через секунду погружаюсь с головой в прохладную воду, болезненно проникающую в нос и разъедающую его стенки хлор-

кой. Я довольно быстро выныриваю и сразу же подплываю к бортику, ощущая, насколько же тяжело находиться в воде в свадебном платье. Поднимаю осуждающий взор на Киана, слегка покашливая.

– Ты совсем... Морте, тебе заняться нечем? Украл себе игрушку для забав? Доволен?

– Конечно нечем, Мия. Кроме как круглосуточным спасением одной упрямой птички, – шипит Киан и сдергивает полотенце со своих бедер. Оно падает вниз, открывая моему взору его член, и не менее рельефные, чем все остальное, ноги и бедра.

Я цепенею в воде. Она вдруг кажется необыкновенно горячей, словно сейчас не утро, а разгар жаркого дня.

Не знаю, какого эффекта он хотел добиться этим действием, но то, что я увидела – меня напрягло.

Я не пыталась рассматривать, но... нервно сглатываю, опуская взор. Щеки пылают, язык прилип к нёбу. Морте усмехается, созерцая мое смущение.

Киан поворачивается спиной и, прижавшись к бортику, я наблюдаю за тем, как он делает заднее сальто и падает прямо в бассейн, прокручиваясь через самого себя. И идеальной «бомбочкой» ныряет в глубокий бассейн.

Все мужчины одинаковы: они рисуются перед женщиной в любой непонятной ситуации! Но выглядит это представление эффектно.

К моменту, когда Киан оказывается в воде, я успеваю отплыть в сторону подводной лестницы в бассейне и изо всех сил пытаюсь встать на ноги. В платье это опять же чертовски сложно и вызывает в душе бурю раздражения и негодования. Остро ощущаю, как Киан хватает меня за подол, когда я ругаюсь, в безуспешной попытке встать на ноги.

– Пусти. Я хочу в спальню. Мне нужно в душ.

– Ты никуда отсюда не уйдёшь, Мия. Пока я не скажу, ты шага в сторону от меня не сделаешь. И лучше тебе меня не злить. На ближайшее время ты полностью в моем распоряжении, – каждое слово звучит настолько безапелляционно, что мне стоит хорошенько подумать, прежде чем отвечать.

– Размечтался, Морте... если ты думаешь, что спас меня и теперь можешь мне заявлять подобное, то ты ошибаешься!

Киан тянет меня за подол таким образом, чтобы я вновь упала в бассейн и наглоталась химозной воды. Моя дезориентация в пространстве помогает ему собственноручно вынести меня к ступенькам под водой, только уже в лежачем положении.

– Ты думаешь, что все это – шутка? Что мы в игры играем и можно поступать так, как ты поступила? – шипит Киан. Когда я вновь открываю глаза, то вижу Киана уже прямо над собой и чувствую вес его тела на себе. Он пригвоздил меня к ступенькам в бассейне.

– Я вложил в твой побег все свое время и силы, кучу денег. Для чего, напомнить? Чтобы спасти твою никчемную жизнь, – вздрагиваю, как от удара, все больше утопая в черном омуте его гнева и ярости. Сердце переходит на рваный и бешеный ритм. – А ты что устроила, а? Что самодеятельность? Мия, если хочешь умереть – пожалуйста, вперед. Беги за пределы виллы, я не держу. Только ставлю тебя в известность, что мы в Гондурасе. Шаг за территорию безопасного места и ты будешь обстреляна местной мафией. И скорее всего, предварительно оттрахана во все отверстия. И далеко не одним потным, грязным и возможно, чем-то большим от иглы, Гонударсцем. Как тебе расклад, нравится? – рывкает Киан у моего лица, из губ его вырывается утробный рык. Перед внутренним взором встает образ льва, придавившего могучей лапой одну из львиц. – Говорю тебе на случай, если ты вновь проявишь свою тупость и решишь ударить. Пожалуйста,

– Киан, я подумала, что ты хотел убить меня. Мне Алессандро сказал, что это ты пытался... – зря я это сказала. От одного лишь имени моего брата Киан звереет ещё сильнее. В глазах, будто красные искры тлеют, любая из них может попасть на меня и объять пламенем.

– Не хочу слышать другие имена, ясно? Забудь о них, – угрожающе предупреждает он, обхватывая ладонью мою шею. – И видеть на тебе чужую одежду, подарки, – в его срывающемся низком голосе тонет горловой рык.

Киан, начиная с края подола, распарывает и рвет мое платье. Точечно, явно наслаждаясь треском ткани. Дышать становится куда свободнее, но вот то, что под ним я почти обнаженная и он *«распечатывает»* свой подарок, мне совершенно не нравится.

– Киан, нет! – пытаюсь вырваться и попытаться остановить его яростные, нетерпеливые и чересчур требовательные пугающие действия. – Не прикасайся ко мне!

Глава 9

Киан

Упрямая, капризная, невыносимая bella. До белого каления доводит её глупость, своеправность и непонимание банальных вещей. Что с неё взять? Двадцать лет. Но этой строптивой девочке пора встать взрослой.

Я помогу. Как умею.

Если бы именно сейчас мне задали прямой вопрос: чем именно Мия Ди Карло меня зацепила, я бы не нашел ответа.

Наверное, и в этом вся суть «искры» между мужчиной и женщиной – она появляется без причины, из ниоткуда, как возникла наша бесконечная вселенная из пустоты, из мощного взрыва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.